

An oil painting depicting two figures from behind, standing in a desolate, ruined city. The figure on the left wears a yellow cloak and ornate armor, holding a sword. The figure on the right wears a dark hooded cloak and armor, holding a long staff or sword. The background shows crumbling stone buildings under a hazy sky.

Искажённые миры: Ставшие богами

Алексей Павлов

Алексей Павлов
Искажённые миры:
Ставшие богами

<https://litres.ru/74075453>

SelfPub; 2026

Аннотация

Две души, связанные невидимой нитью, погибают в один миг от рук древнего врага - и получают второй шанс в чужом мире. Один рождается в золоте и роскоши, второй - в цепях и грязи. Они не помнят ни прошлой жизни, ни друг друга. Единственное, что у них осталось - глаза разного цвета, которые иногда показывают чужую боль и чужой свет.

Годы спустя оба отправляются в столицу: один - чтобы стать сильнее через знание, второй - чтобы выжить любой ценой. Они ещё не знают, что их встреча изменит всё.

Содержание

Пролог: «Цена Знания»	5
Сага 1: «Разделённые»	17
Глава 1: «Два Брата»	23
Глава 2: «Путь»	56
Глава 3: «Академия»	76
Глава 4: «Гильдия»	86
Глава 5: «Нить»	100
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Алексей Павлов
Искажённые миры:
Ставшие богами

Пролог: «Цена Знания»

Наш мир. Наши дни.

Рэйну двадцать четыре. Аспирант кафедры теоретической физики и сравнительной мифологии — он изучает не просто тексты, а совпадения, которых не может быть. Восемь культур, разделённых океанами и веками, описывают одно и то же: «Место, где ткань мира тонка, как вода».

Он нашёл это место. Не храм, не алтарь. Обычный перекрёсток в спальном районе. Четыре полосы асфальта, фонарь, старая липа. Всё.

Всё — кроме времени. Древние тексты указывали час. Сегодня. Сейчас.

Ноксу шестнадцать. Он не читал табличек. Не понимает теорий брата. Но у него всегда было чутьё на опасность — и сейчас оно звенит так, что зубы сводит. Поэтому он здесь: час ночи, пустой перекрёсток, фонарь мигает.

— Долго ещё? — спрашивает он, глядя не на брата, а в темноту между домами.

Рэйн не отвечает. Его часы показывают 01:06:00. В древних текстах это время называли «Часом Разрыва».

Секундная стрелка делает ещё один круг.

Фонарь гаснет.

Трещина и Тень

Тишина. Такая глубокая, что слышно, как бьётся сердце.

А потом — звук. Не треск, не грохот. Звук, похожий на то, как рвётся шёлк. Длинный, медленный, влажный.

Воздух перед ними расходится. Не взрывается — именно расходится, как занавес, который кто-то раздвинул двумя пальцами. Из трещины не льётся свет. Наоборот — она поглощает свет. Фонари вокруг гаснут один за другим, и тьма стекается к разрыву, как вода в воронку.

Из трещины выходит Тень.

Это не человек. Не монстр. Это — отсутствие. Контур, вырезанный из реальности. Внутри него нет ничего — ни плоти, ни глаз, ни рта. Только сила, настолько плотная, что асфальт под ним идёт трещинами.

Тень говорит. Голос — как шёпот десяти тысяч ртов одновременно:

— Две души. Связанные. Редкая охота.

Рэйн всё понимает мгновенно. Его расчёты были верны. Он действительно нашёл место истончения. Но древние тексты умалчивали о главном: это не портал. Это охотничья тропа.

Тень делает шаг. Медленный. Неотвратимый.

Нокс не анализирует. Он действует. Это его суть — когда старший думает, младший уже двигается. Он встаёт перед

братом, заслоняя его собой. Руки дрожат, но голос твёрдый:
— Пошёл. Вон.

Тень наклоняет голову. В этом жесте — не удивление, а любопытство. Так ребёнок смотрит на жука, который встал на задние лапки.

Тень поднимает руку. От неё отделяется тьма — не заклинание, не луч, а просто тьма, которая движется как живая. Она обтекает Нокса, хватает его, поднимает в воздух.

Рэйн кричит. Впервые в жизни его голос срывается.

Тьма сжимается. Один миг. Один хруст.

Нокс падает на асфальт. Он не двигается.

Сделка с Тенью

Рэйн бросается к брату, забыв про Тень, про трещину, про всё. Хватает за плечи, переворачивает, прижимает к себе. Тело Нокса неестественно лёгкое. Слишком лёгкое.

Тень стоит над ними. Не спешит.

— **Осталась одна.**

Рэйн поднимает голову. В его глазах нет страха. Только расчёт. Даже сейчас — особенно сейчас — он думает. Анализирует.

Тень не нападает сразу. Она ждала, пока умрёт Нокс, прежде чем тронуть его. Она убила слабейшего первым. Это не ярость хищника — это логика. Охотничья. Ритуальная.

Он прокручивает в голове всё, что видел. Тень появилась

из трещины. Трещина открылась в определённый час. Она пришла не за кем попало — она пришла за ними. За двумя. За связанными.

Если она хотела их обоих — значит, они для неё пара. Один без другого — брак. незавершённая охота.

Рэйн замечает то, чего не замечал раньше: Тень не касается земли. Она парит на волосок над асфальтом. Между ней и миром — зазор. Она не отсюда. Она не закреплена в этой реальности.

Трещина за её спиной — не просто дверь. Это пуповина. Тень держится за свой мир через неё.

Если разорвать связь с трещиной — Тень либо исчезнет, либо останется здесь. В обоих случаях охота прервана.

Он не может закрыть трещину. Но он может сделать так, чтобы Тень сама её закрыла.

Рэйн поднимается. Медленно. Держит Нокса на руках. Баюкает, как ребёнка. Смотрит Тени прямо в её отсутствие лица.

И говорит:

— Ты проиграл. Ты убил младшего первым. Теперь я могу уйти в трещину один. И ты останешься ни с чем. Две души — или ноль. Ты сам сказал: редкая охота. А редкая охота — это обе души, верно?

Тень замирает. Впервые в её пустоте что-то меняется. Колёбание. Сомнение. Рэйн попал.

— Если ты убьёшь меня сейчас — ты получишь две мёрт-

вые души. Но ты колеблешься. Значит, тебе нужны живые. Или хотя бы одна живая.

Тень молчит. Но её контур сужается. Это не гнев. Это переоценка.

Рэйн делает шаг назад. К трещине.

— Я предлагаю сделку. Я ухожу в твой мир. Добровольно. Ты не убиваешь. Ты получаешь душу одну. Живую. И ты оставляешь его здесь. Мёртвого. В его мире. Не в твоём.

Тень колыхнется. Внутри неё что-то переливается — как чернила в воде.

— **Ты хитёр, муравей.**

— Я просто умею считать.

Тень отступает от трещины. Ровно на шаг. Пропускает.

Рэйн идёт к разрыву. Он несёт Нокса на руках. Он знает: если оставить тело здесь, Тень может вернуться. Если забрать с собой — есть шанс. Где-то там, за гранью, есть силы, которые воскрешают.

Он не знает, что там. Но там — шанс. А здесь — только труп брата на руках.

Рэйн делает шаг в трещину.

Тень смотрит ему вслед. И когда тьма смыкается за его спиной, она произносит:

— **Ты передумашь, муравей. Все передумывают.**

Тьма глотает их.

Чертоги Между Мирами

Падение.

Рэйн не чувствует тела, но чувствует Нокса в своих руках. Тепло уходит. Он считает секунды. Пятьдесят три. Пятьдесят четыре. На пятьдесят пятой тьма перестаёт быть тьмой.

Она становится ничем.

Не чернота — чернота всё ещё цвет. Это — отсутствие цвета, звука, времени. Он висит в этой пустоте, и единственное, что подтверждает его существование — тяжесть брата на руках.

А затем — свет.

Два потока.

Они проходят сквозь пустоту, как реки сквозь океан. Один — золотой, густой, как мёд. Другой — багровый, пульсирующий, как вена на виске.

Рэйн смотрит в золотой поток и видит фигуры. Они движутся внутри света, как рыбы в толще воды. Крылатые. Безликие. Их доспехи — не металл, а застывшая музыка. Их оружие — не мечи, а лучи, которые поют на частотах, недоступных человеческому уху.

В багровом потоке тоже есть фигуры. Но они не движутся — они кишат. Рваные, многорукие, многоглазые. Они не сражаются строем. Они пожирают строй. Каждая тварь вгрызается в реальность, оставляя за собой не раны — пустоты.

Это не битва двух армий. Это битва двух законов. Золотой свет — закон Порядка. Багровая тьма — закон Хаоса.

И прямо сейчас Порядок проигрывает.

Бог-Хранитель

Рэйн не замечает, как оказывается на твёрдой поверхности. Под ногами — белый камень, испещрённый трещинами. Он стоит на краю огромной платформы, парящей в пустоте. Платформа круглая, как циферблат часов. От центра расходятся лучи — золотые линии, которые пульсируют в такт битве вокруг.

В центре платформы стоит Он.

Бог-Хранитель.

Он выше человека раза в три, но дело не в росте. Дело в плотности. Он как будто занимает больше пространства, чем его тело. Каждая клетка его существа излучает свет — не яркий, а древний. Так светят звёзды, которые умерли миллиард лет назад, но их лучи всё ещё идут сквозь космос.

Его лицо — человеческое. Слишком человеческое. Морщины. Усталость. Глаза, которые видели рождение и смерть галактик.

В одной руке он держит меч. Лезвие расколото пополам. В другой — весы. Чаша дрожат. На одной чаше — золотая искра. На другой — ничего. Пустота. И эта пустота перевешивает.

Бог смотрит на Рэйна. Не на Нокса в его руках — а именно на него. В глаза.

— **Ты пришёл. Рано. Но время редко ждёт.**

Голос — не гром. Голос — как тишина между ударами сердца.

Рэйн не кланяется. Не падает на колени. Он стоит прямо, прижимая Нокса к груди, и говорит:

— Ты знаешь, кто я.

— **Я знаю всех, кто проходит через Разрыв. Но ты — особый случай. Ты не просто упал. Ты прыгнул.**

— У меня не было выбора.

— **Выбор есть всегда. Ты просто сделал его быстрее, чем большинство богов.**

Рэйн смотрит на меч в руке Хранителя. На сломанное лезвие.

— Ты проигрываешь.

Бог-Хранитель впервые меняется в лице. Уголок губ дрогнул. Не улыбка — тень улыбки.

— **Да. Проигрываю. Уже десять тысяч лет. По вашему времени.**

— Кто они? — Рэйн кивает на багровый поток.

— **Пожиратели. Дети Первого Хаоса. Они не захватывают миры — они их растворяют. Каждая реальность, которую они касаются, становится частью их потока. Теряет форму. Теряет смысл. Теряет память.**

— Зачем?

— Потому что они голодны. Потому что они боятся. Потому что когда-то давно Порядок победил — и Хаос с тех пор пытается взять реванш. Это не война территорий. Это война за то, каким будет существование. Структурой. Или супом из вероятностей.

Рэйн смотрит на багровый поток. На тварей, которые кишат внутри. А затем переводит взгляд на Нокса в своих руках.

— Ты можешь его вернуть?

Бог-Хранитель опускает взгляд. Смотрит на Нокса. Долго. Весы в его руке дрогнули.

— Могу. Но цена — вы оба.

Сделка с Хранителем

— Что значит «оба»?

— Я воскрешу его. Отправлю вас в мир, где война ещё не началась. Но этот мир — не ваш.

— Это не цена. Это награда.

— Цена впереди.

Бог-Хранитель поднимает сломанный меч и указывает на багровый поток.

— Война идёт не только здесь. Она идёт везде. Война Порядка и Хаоса — это битва, которая происходит в каждой душе. Мир, куда я вас отправлю, пока спокоен. Но Хаос уже ищет туда путь.

Рэйн смотрит на Нокса. На бледное лицо.

— Ты отправляешь нас вдвоём? Вместе?

— **Нет. Не вместе.**

Тишина.

— **Вы окажетесь в одном мире. В один день. Но на разных его концах. Один — в золоте и власти. Второй — в грязи и цепях.**

— Зачем? — голос Рэйна дрожит. — Зачем разлучать нас?

— **Потому что Хаос не атакует с одной стороны. Он просачивается отовсюду. Сверху и снизу. Из тронных залов и из подземелий. Чтобы предотвратить войну, вы должны увидеть обе половины этого мира. Каждый — свою.**

Рэйн проводит рукой по волосам Нокса.

— Как мы найдём друг друга?

— **Вы не будете искать. Вы не будете помнить. Ни прошлой жизни. Ни этого разговора. Ни друг друга.**

— Тогда как?!

Хранитель поднимает меч. Лезвие загорается белым.

— **Глаза.**

Рэйн моргает.

— Что?

— **Гетерохромия. Знак, который я оставлю вам обоим. У тебя — золотой глаз. У него — алый. И иногда, на несколько секунд, этот глаз будет показывать то, что**

видит другой. Ты увидишь его боль. Он увидит твой свет. Вы не поймёте, что это. Будете думать — кошмары. Видения. Безумие.

— Но это будет связь.

— **Да. Единственная нить, которую я не оборву. Потому что связь, которую вы не осознаёте, не сможет найти никто. Даже Тень. Даже Хаос.**

Рэйн закрывает глаза.

— Ты отправляешь его в ад.

— **Я отправляю его туда, где он нужен. Ты, Рэйн, ро-
дишься в доме с властью. Ты увидишь, как мир дер-
жится. Ты получишь Библиотеку. А он... — Хранитель
смотрит на Нокса. — ...он рождается в цепях. И получит
Атлас. Он увидит то, что мир ломает. Вы — два лез-
вия. И каждое должно быть закалено.**

— А когда мы встретимся?

— **Когда вы станете достаточно сильны. Когда твоя
Библиотека не сможет его проанализировать. Когда
его Атлас не сможет тебя отразить. Вы поймёте, что
вы — слепые пятна. И тогда начнёте искать.**

Рэйн чувствует, как Нокс становится легче в его руках.

— Дай мне слово. Что мы встретимся.

Бог-Хранитель смотрит на него. В его глазах — не равно-
душие. Что-то другое. Что-то похожее на зависть.

— **Вы встретитесь. А теперь слушай.**

Белый свет заполняет платформу.

Голос Хранителя звучит в последний раз — как эхо, как шёпот в голове:

«Одному — видеть структуру. Другому — помнить цену. Первый узнает ложь. Второй узнает боль. И пока они не встретятся вновь — Ни один не будет целым. Но когда встретятся — Даже боги заплачут.»

Свет гаснет.

Рэйн чувствует, как Нокс исчезает из его рук. Не умирает — а просто больше не здесь. Он кричит. Но крик тонет в свете.

А затем — ничего.

Сага 1: «Разделённые»

Пробуждение

Этерра. Север. Поместье рода Крейн. Ночь. Без дождя.

Герцогиня Элейна Крейн рожала двенадцать часов. Ребёнок шёл неправильно — ножками вперёд, словно не хотел покидать утробу. Повитухи менялись каждые два часа. Свечи догорали. В коридоре, обитом дубовыми панелями, герцог Роберт Крейн мерил шагами каменный пол. Семейный перстень оставлял вмятины на пальце — он сжимал его каждый раз, когда из-за двери доносился крик.

Когда крик стих, а на смену ему пришёл другой — тонкий, младенческий — герцог замер. Дверь открылась. Старшая повитуха вышла с ребёнком на руках. Лицо её было странным: радость, смешанная с тревогой.

— Мальчик, ваша светлость. Крепкий. Здоровый. Только...

— Что?

— Глаза.

Герцог шагнул ближе. Младенец не плакал. Он смотрел вверх, на тёмный потолок, и взгляд его был слишком спокойным для существа, только что явившегося в мир. Один

глаз — серый, как у самого герцога. Второй — золотой. Не жёлтый, не карий с искрой, а именно золотой — глубокий, светящийся, похожий на расплавленный металл.

— Гетерохромия, — прошептала повитуха. — Говорят, это знак. Дурной или добрый — никто не знает.

Герцог взял сына. Золотой глаз смотрел на него. Не моргал. Не отводился. В этом взгляде не было ни страха, ни младенческой пустоты. Там было что-то, чего Роберт Крейн не мог назвать. Что-то похожее на узнавание.

Из спальни донёсся крик — другой, не младенческий. Герцог обернулся.

Герцогиня Элейна умерла через час. Кровотечение. Ни повитухи, ни лекарь, вызванный из столицы, ничего не смогли сделать.

Роберт Крейн остался один. С мёртвой женой. С золотоглазым сыном. С огромным поместьем, которое теперь казалось пустым.

Он назвал мальчика **Рэйном**. В честь дождя, который не шёл в эту ночь. Может, если бы шёл — всё сложилось бы иначе.

Этерра. Юг. Каменоломни Кархата. Та же ночь. Духота.

Рабыня рожала в цепях.

Каменоломни Кархата не затихали даже ночью. Где-то вдалеке ещё звенели кирки — ночная смена. В бараке, отгороженном рваной тканью от остальных, было темно и душ-

но. Пахло потом, кровью и камнем.

Она не знала, кто отец. Один из надсмотрщиков. Один из солдат, проходивших через Кархат месяц назад. Один из торговцев, которым показывали каменоломни как диковину. Какая разница. В ведомости напротив её имени — если оно там вообще было — стояло: «Собственность рудника».

Роды были тяжёлыми. Она кричала, пока не сорвала голос. Две старухи держали её за руки — не из сострадания, а потому что так было положено. Мужчины в бараке отвернулись. Здесь не смотрели на чужую боль. Своей хватало.

Ребёнок вышел молча. Не закричал, как кричат все новорождённые, — просто открыл глаза и уставился в темноту.

Один глаз был карим, как у матери. Второй — алым. Глубоким, тёмно-красным, как свежая рана на запястье.

— Дьявольский знак, — прошептала старуха, принимавшая роды. — Гетерохромия. Плохо. Очень плохо.

Мать умерла до рассвета. Потеря крови. Жара. Истощение. Её тело сбросили в общую яму за баракom. Имя вычеркнули из реестра — если оно там вообще было.

Ребёнка забрал надсмотрщик по имени Гарек. Не из жалости — Гарек не знал этого слова. Просто мальчик с разноцветными глазами был редкостью. Редкость стоила денег. А пока ребёнок не вырастет — можно заставить его работать. В каменоломнях лишних рук не бывает.

Он назвал мальчика **Ноксом**. Не знал, почему. Слово всплыло откуда-то из памяти — солдаты рассказывали ле-

генду о божии нощи. Короткое. Тёмное. Как сама каменоломня.

Три года спустя. Север.

Рэйн сидел на ковре в детской. Вокруг валялись игрушки — деревянные лошадки, мячи, книжка с картинками, которую он ещё не читал, но уже разглядывал. Служанка дремала в углу.

Он закрыл глаза — просто зажмурился, как делают дети, играя в прятки с самими собой.

И мир исчез.

Камень. Серый, шершавый, давит на плечо. Чьи-то руки — грубые, в шрамах — хватают за волосы. Голос — чужой, хриплый — орёт что-то непонятное. Боль. Острая, обжигающая, в спине. Не его боль.

Рэйн открыл глаза. Ковёр. Игрушки. Служанка спит. Золотой глаз горел — ему показалось, что он светится в темноте.

Он заплакал. Громко. Служанка проснулась, подхватила его, заворковала. Решила — кошмар.

Это повторялось снова и снова. Иногда раз в неделю. Иногда — раз в месяц. Он закрывал золотой глаз — и видел чужую жизнь. Грязь. Кровь. Камень. И маленькую фигурку, скорчившуюся в углу. Он не знал, кто это. Не понимал. Но чувство было таким сильным, что он просыпался среди ночи.

Он никому не говорил.

Три года спустя. Юг.

Нокс лежал на куче соломы. Ему было три года. Он уже

умел носить камни — маленькие, которые надсмотрщик бросал ему, чтобы «приучать к делу». Спина болела. Ладони были стёрты в кровь. Он закрыл глаза — просто чтобы спрятаться от мира.

И мир изменился.

Свет. Не факел. Не солнце. Мягкий, тёплый, дрожащий. Огонь в камине? Стены — не камень, а дерево. Пахнет чем-то сладким. Книги. Много книг — он не знал букв, но видел их впервые. Чьи-то мягкие руки. Одеяло. Тепло. Не его тепло.

Нокс открыл алый глаз. Солома. Темнота. Запах пота. Он заплакал. Тихо, беззвучно — здесь не разрешалось плакать громко.

Он не знал, что это было. Сон? Но он никогда не видел таких снов.

С тех пор это приходило. Внезапно. Без предупреждения. Он ложился спать — и вместо темноты видел свет. Вместо голода чувствовал сытость. Вместо холода — тепло. Это не делало его жизнь легче. Наоборот — после каждого такого видения реальность становилась острее.

Но он никому не говорил.

Первая нить.

Рэйн не знал, кто этот мальчик в его снах. Но однажды, в четыре года, он потянулся к игрушечному мечу и вдруг замер. Алый отблеск в сознании. Чужое лицо — худое, с острыми скулами. Чужой глаз, смотрящий прямо на него.

Он не понял. Но запомнил.

Нокс не знал, кто этот человек в его видениях. Но однажды, когда надсмотрщик ударил его по лицу, он закрыл алый глаз и увидел золото. Чей-то глаз. Чей-то взгляд — спокойный, изучающий. Он смотрел на него — и Нокс чувствовал, что на него смотрят в ответ.

Он не понял. Но запомнил.

Конец Пролога.

Глава 1: «Два Брата»

Часть 1: Рэйн — Север

1. Тишина поместья

Поместье рода Крейн стояло на холме, и в хорошую погоду с его башен можно было увидеть столицу — далёкий серый силуэт на горизонте. Но хорошая погода в этих краях бывала редко. Чаще — дожди. Туманы. Ветры, завывающие в каминных трубах так, что слуги крестились и говорили о душах умерших.

Рэйн рос в тишине.

Тишина в поместье Крейн была особенной. Не умиротворяющей — давящей. Она пропитывала стены, как сырость. Слуги ходили на цыпочках. Гости бывали редко. Смех здесь не звучал уже много лет — с тех пор, как умерла герцогиня.

Герцог Роберт Крейн не был жестоким отцом. Он не бил, не кричал, не запирали сына в комнате. Он просто не приходил. Дни, недели, месяцы — отец пропадал в столице, в Совете Лордов, в военных кампаниях, где угодно, лишь бы не здесь. Поместье напоминало ему о жене. Сын — о ночи, когда она умерла.

Рэйн понял это в четыре года — не умом, а чутьём. Он

стоял у окна, глядя, как отцовская карета исчезает за воротами, и впервые не заплакал. Просто отошёл от окна и сел за книгу. Он уже тогда понимал: слёзы не возвращают людей. Они только мешают читать.

Слуги любили его. Не за статус — за характер. Он не капризничал, не требовал, не жаловался. Если ему приносили еду — ел. Если забывали — не напоминал. Он мог просидеть в библиотеке весь день, не издав ни звука, и служанки находили его там вечером — спящего над раскрытой книгой, с догоревшей свечой.

— Этот ребёнок — не от мира сего, — шептались они. — Слишком тихий. Слишком умный. Слишком спокойный.

Старая кухарка, седая женщина по имени Берта, единственная осмеливалась говорить с ним прямо.

— Почему ты всегда один, маленький господин?

— Я не один. У меня есть книги.

— Книги не заменят людей.

— Люди уходят. Книги остаются.

Берта качала головой. Но в глубине души понимала: мальчик прав. В этом доме люди только и делали, что уходили.

2. Первые вопросы

В пять лет Рэйн прочитал «Трактат о целебных травах» — единственную книгу в поместье, не считая фолиантов по истории и магии. К шести он знал её наизусть и начал задавать вопросы, на которые никто не мог ответить.

— Почему корень валерианы успокаивает, а корень бел-

ладонны убивает? — спросил он у старого садовника. — Они оба — корни. В чём разница?

Садовник почесал затылок.

— Так заведено, господин. Валерьяна — добрая трава. Белладонна — злая.

— Трава не может быть злой. Это химия. Или магия. Но если магия — то у неё должна быть структура. Как у формулы.

Садовник не нашёлся что ответить. Рэйн запомнил это: взрослые не любят вопросы, на которые не знают ответов. Он перестал задавать их вслух. Но не перестал задавать себе.

Вечерами, лёжа в постели, он смотрел в потолок и размышлял. Если трава действует на тело — значит, в ней есть вещество. Если вещество можно выделить — значит, можно усилить. Если усилить — можно лечить. Или убивать. Всё зависит от дозы. Всё зависит от знания.

Это стало его тайным принципом. Он никому его не говорил. Просто применял.

В семь лет он починил старый камин в малом зале. Тот не разжигали несколько лет — тяга была плохой, дым шёл в комнату. Слуги вызывали мастера из города, но тот не приехал. Рэйн три дня изучал устройство дымохода по книге, потом забрался на крышу с фонарём и нашёл засор — птичье гнездо. Он убрал его, и камин заработал.

— Как ты догадался? — спросила Берта.

— Это логично. Дым поднимается вверх. Если он не вы-

ходит — значит, ему что-то мешает. Нужно найти, что именно.

Она перекрестилась. В этом доме перекрестились уже столько раз, что можно было освятить целый собор.

3 . Золотой глаз

В шесть лет Рэйн заметил, что его золотой глаз видит не только этот мир.

Сначала это были вспышки. Короткие, как удар молнии. Он закрывал глаза — и видел не темноту, а что-то другое. Камень. Грязь. Чьи-то руки в цепях. Чью-то боль — острую, как нож.

Он не понимал, что это. Думал — сны. Но сны не приходили среди бела дня. Сны не были такими яркими. И сны не пахли. А эти видения пахли — потом, кровью, сырой землёй.

В семь лет он начал записывать. Маленький дневник, спрятанный под матрасом. Страница первая: «Мальчик. Темно. Цепи. Боль». Страница вторая: «Тот же мальчик. Камень. Удар. Не плачет». Страница третья: «Тот же. Смотрит вверх. Ищет свет».

К восьми годам он знал: где-то существует человек, чью боль он видит. И этот человек, возможно, видит его.

Однажды ночью он попробовал «ответить». Сосредоточился. Закрыл обычный глаз и посмотрел золотым в темноту. Не словами — чувством. Тепло. Свет. Книги. Безопасность. Всё, чего у того мальчика не было.

И на секунду — всего на долю секунды — он почувство-

вал ответ. Не слова. Не образ. Просто чувство. Как будто кто-то там, в темноте, на мгновение перестал быть один.

Рэйн записал в дневнике: «Он меня чувствует. Я его тоже. Мы связаны».

4 . Одиночество наследника

В восемь лет Рэйн впервые осознал, что его жизнь отличается от жизни других детей.

Он понял это не из книг — из окна. Иногда он смотрел в сад и видел, как дети слуг играют в догонялки, смеются, падают, встают, снова бегут. Они были грязными, шумными, живыми. Он — чистым, тихим, словно фарфоровая кукла.

Однажды он вышел в сад и подошёл к ним. Дети замерли. Мальчик лет девяти — сын конюха — поклонился.

— Добрый день, господин.

— Можно с вами?

Дети переглянулись. Им было неловко. Они не знали, как играть с наследником герцога. Можно ли его толкать? Можно ли бегать быстрее него? Можно ли вообще смотреть ему в глаза?

Рэйн понял это без слов. Он развернулся и ушёл обратно в библиотеку.

Больше он не пытался.

С тех пор его единственными собеседниками стали персонажи книг. Они не кланялись. Не боялись. Не исчезали, когда он задавал неудобные вопросы. С ними было проще. С ними было честнее.

Но где-то глубоко внутри, в месте, которое он ещё не называл «Библиотекой», росла пустота. Он не знал, как её заполнить. Он даже не знал, что это — одиночество. Думал, что это норма. Что так живут все.

5. Отцовский меч

В девять лет Рэйн впервые взял в руки меч.

Герцог приехал неожиданно — редкое явление. Вызвал сына в оружейный зал. Достал фамильный клинок — длинный, с гравировкой «Крейн» на лезвии, вложенный в ножны из тёмной кожи.

— Ты наследник. Ты должен уметь.

Рэйн взял меч. Тяжёлый. Холодный. Рукоять была слишком большой для его ладони, но он сжал её крепко. Посмотрел на лезвие — и внутри что-то щёлкнуло. Не страх. Не восторг. Анализ. Вес клинка. Баланс. Траектория.

— Держи крепче. Ноги на ширине плеч. Локоть не выворачивай.

Рэйн сделал выпад. Неправильно. Ещё раз. Уже лучше. Третий — почти идеально.

— Ты уже тренировался?

— Нет. Просто смотрел.

Герцог нахмурился. Смотрел? На кого? В поместье не было фехтмейстера. Но Рэйн не лгал. Он действительно смотрел — в книгах, на иллюстрациях, на гобеленах, изображавших битвы. Он запоминал позы, углы, положения рук. И теперь тело воспроизводило их без ошибок.

— Ещё раз, — скомандовал отец.

Рэйн сделал выпад. Теперь уже уверенно. Клинок рассёк воздух с тихим свистом. Герцог долго смотрел на него, а потом сказал:

— Это дар. Или проклятие. Не знаю пока.

Рэйн промолчал. Он и сам не знал.

6. Ночной разговор

В ту ночь отец не уехал. Он остался — впервые за многие месяцы. Вечером они сидели в малом зале у камина, который когда-то починил Рэйн. Герцог пил вино. Рэйн сидел напротив, держа в руках очередную книгу.

— Почему ты всегда читаешь? — спросил отец.

— Чтобы знать.

— Что знать?

— Как всё устроено.

Герцог усмехнулся. Горько.

— Ты похож на мать. Она тоже не могла усидеть без книги. Я дарил ей фолианты из столицы. Она прочитывала их за ночь.

Рэйн отложил книгу. Отец никогда не говорил о матери.

— Какая она была?

Пауза. Долгая. Герцог смотрел в огонь.

— Добрая. Слишком добрая для этого дома. Она верила, что мир можно изменить. Что люди по своей природе хорошие. Я говорил ей — нет. Мир жесток. Люди жадны. Она не слушала. Говорила: «Значит, нужно показать им другой

путь».

— Поэтому ты не любишь бывать здесь?

Герцог вздрогнул. Вопрос был слишком прямым. Слишком точным. Так могла спросить она.

— Этот дом напоминает мне о ней. О том, что я не смог её защитить.

— Ты не виноват.

— Я знаю. Но это не помогает.

Рэйн помолчал. А потом сказал:

— Ты можешь не приезжать. Я справлюсь.

Герцог посмотрел на сына. Золотой глаз блестел в свете камина. Спокойный. Взрослый.

— Ты уже справляешься, — тихо сказал он. — И это пугает меня больше всего.

Он встал и вышел из зала. На следующий день уехал снова.

А Рэйн остался. С книгой. С золотым глазом. С пустотой внутри, которая ждала, когда её заполнят.

7. Библиотека внутри

В десять лет Рэйн заболел.

Это была сильная лихорадка. Три дня он лежал в постели, метался в бреду, и видения захлёстывали его, как волны. Камень. Боль. Кровь. Свет. Снова камень. Снова боль. Мальчик, скорчившийся в темноте. Мальчик, смотрящий в небо. Мальчик, чья рука сломана, но глаза горят.

Слуги думали, что он умирает. Берта сидела у его постели.

ли и плакала. Но на четвёртый день лихорадка спала. Рэйн открыл глаза — и не узнал мир.

Точнее, он увидел два мира одновременно. Реальный — потолок, свеча, лицо Берты. И другой — огромный зал, уходящий в бесконечность. Стеллажи. Книги. Миллионы книг, которых он никогда не читал. Мягкий золотой свет. И тишина. Не давящая — успокаивающая. Как вдох после долгого бега.

Он стоял в центре зала босиком. Пол был тёплым. Пахло старой бумагой и чем-то ещё — чем-то, что он не мог назвать. Знанием? Вечностью?

— Что это? — прошептал он.

Голос ответил. Спокойный, безличный — как шелест страниц, собранный в слова.

[Библиотека активирована.] [Пользователь: Архитектор.] [Томов в наличии: 53.]

Рэйн огляделся. На ближайшем стеллаже стояли книги. Он узнал их. «Трактат о целебных травах». «История Дома Крейн». «Основы магических структур». Всё, что он когда-либо читал, — всё было здесь. Но не просто копии. Рядом с каждой прочитанной книгой стояли пустые тома. Сотни, тысячи пустых томов. Ждущих.

— Это моё?

Голос не ответил. Но Рэйн знал. Это был его дар. Его сила. Его Библиотека. И она только начинала заполняться.

Он подошёл к одной из пустых книг. Обложка была мяг-

кой, податливой. Он открыл первую страницу — и увидел, как на ней проступают буквы. Незнакомый язык. Незнакомые символы. Но он понимал их. «Структура Огня». «Природа Магии». «Связи Между Мирами».

Рэйн улыбнулся. Впервые за долгое время.

Он открыл глаза в реальном мире. Сел на постели. Берта ахнула и бросилась обнимать его. Золотой глаз горел. Но теперь это не пугало.

— Я в порядке, — сказал он. — Я знаю, что делать дальше.

Он посмотрел в окно. На далёкий лес. На серое небо. На горизонт, за которым была столица, и дальше — горы, и дальше — каменоломни, о которых он не знал.

Где-то там был другой мальчик. Тот, чью боль он видел. Тот, кто отвечал ему из темноты.

— Я найду тебя, — сказал Рэйн тихо. — Даже если на это уйдёт вечность.

И Библиотека внутри отозвалась тихим шелестом страниц. Словно соглашалась.

8. Перелом: Расщепление

Рэйну было одиннадцать, когда в поместье привезли камень.

Не просто камень — артефакт. Герцог Роберт прислал его из столицы с короткой запиской: «Найдено при раскопках старого храма. Никто не знает, что это. Может, разберёшься». Отец всё ещё не знал, как говорить с сыном, но уже понял: мальчик видит то, чего не видят другие.

Камень положили в малом зале на дубовый стол. Он был размером с человеческую голову — неровный, тёмно-серый, с вкраплениями серебра. От него исходило слабое свечение — пульсирующее, как сердцебиение. Слуги боялись к нему прикасаться. Берта окропила его святой водой. Садовник сказал, что от камня у него болят зубы.

Рэйн подошёл к нему. Золотой глаз загорелся.

В первый момент он не понял, что происходит. Камень был просто камнем — мёртвым, неподвижным. Но когда он посмотрел на него золотым глазом — мир изменился.

Камень перестал быть камнем. Он стал структурой.

Рэйн видел слои — плотные, переплетённые, как годовые кольца дерева. Он видел линии силы — тонкие серебряные нити, бегущие внутри. Он видел узлы — места, где эти линии пересекались, образуя что-то вроде замков. И он видел центр — тёмное ядро, пульсирующее медленным, глухим ритмом.

Библиотека внутри него ожила. Голос — тихий, спокойный — произнёс:

[Обнаружен неизвестный объект.] [Начало анализа.] [Вероятная природа: магический артефакт. Возраст: не менее 2000 лет. Функция: неизвестна.]

— Я знаю, что ты такое, — прошептал Рэйн. — Ты — запёртая сила. Тебя создали, чтобы хранить что-то внутри.

Камень молчал. Но Рэйн чувствовал его. Чувствовал напряжение каждой линии, каждого узла. Это было как читать книгу на незнакомом языке — сложно, но возможно.

Три дня он не выходил из малого зала. Ему приносили еду, но он почти не ел. Он сидел перед камнем, смотрел на него золотым глазом и анализировал. Страница за страницей в Библиотеке появлялся новый Том — «Структура Артефакта», «Природа Серебряных Нитей», «Замки и Ключи».

На третий день он понял главное. Камень был не просто артефактом. Он был контейнером. Внутри, за семью замками, хранилась энергия. Огромная. Нестабильная. Сжатая до размеров песчинки. Если её высвободить — она могла бы разрушить полпоместья. А если расщепить правильно...

Рэйн закрыл глаза. Библиотека показала ему схему. Семь замков. Семь ключей. Каждый ключ — это вопрос. Каждый замок — это ответ. Если ответить неправильно — артефакт взорвётся. Если правильно — энергия высвободится контролируемо.

— Я готов, — сказал он.

И начал.

Первый замок: «Что есть сила?» — Движение.

Щелчок. Первая линия погасла.

Второй: «Что есть материя?» — Застывшая энергия.

Щелчок. Вторая линия.

Третий: «Что есть время?» — Порядок событий.

Щелчок. Третья.

Четвёртый: «Что есть пустота?» — Пространство, ждущее заполнения.

Четвёртая линия погасла.

Пятый: «Что есть знание?» — Свет, рассеивающий тьму.
Пятая.

Шестой: «Что есть боль?»

Рэйн замер. Этот вопрос был странным. Не логическим — личным. Он подумал о мальчике из видений. О сломанной руке. О темноте. О холоде.

— Боль — это цена существования. Мы платим ею за то, что живы.

Шестая линия дрогнула и погасла.

Седьмой замок: «Что есть связь?»

Рэйн улыбнулся. Этот ответ он знал давно.

— То, что держит миры вместе. То, что нельзя разорвать. То, что сильнее памяти.

Седьмая линия погасла. Камень засветился — ярко, ослепительно. А затем треснул. Не взорвался — именно треснул, разделившись на две равные половины. Из трещины вырвался свет — чистый, золотой, тёплый. Он устремился вверх и растворился в воздухе. А на столе остались две половинки камня — гладкие, как отполированные.

Библиотека произнесла:

[Анализ завершён.] [Объект: Маяк Древних. Функция: передача сигнала.] [Новый Том добавлен: «Расщепление Магических Структур».]

Рэйн выдохнул. Он не знал, что такое «Маяк Древних» и кому был послан сигнал. Но он впервые в жизни почувствовал: его сила — не просто чтение. Это власть над самой ре-

альностью. Он может брать сложное и делать его простым. Неразрывное — разделять. Тёмное — освещать.

— Я понял, — сказал он тихо. — Библиотека — это не только знание. Это ключ к любому замку.

Где-то внутри, на новом стеллаже, встал на место ещё один Том.

Часть 2: Нокс - Юг

1. Каменоломни

Каменоломни Кархата не знали тишины.

Днём и ночью здесь звенели кирки, скрипели лебёдки, грохотали падающие глыбы. Воздух был серым от пыли — она оседала в лёгких, на коже, в волосах, и ни одно мытьё не могло смыть её до конца. Рабы кашляли кровью, но не жаловались. Жаловаться было некому. Надсмотрщики носили кожаные маски, закрывающие нос и рот. Рабам масок не полагалось.

Нокс рос здесь.

Каменоломня представляла собой огромный кратер, уходящий вглубь земли. Террасы, вырубленные в скале. Деревянные лестницы, скрипящие под ногами. Штольни — тёмные норы, уходящие в неизвестность. И везде — камень. Серый, бурый, чёрный. Тяжёлый. Равнодушный.

Он не помнил матери — только запах. Иногда, в редкие минуты между сном и явью, ему казалось, что он чувству-

ет что-то тёплое. Травы. Пот. Молоко. А потом — ничего. Только камень.

Гарек, надсмотрщик, не был злым. Он был практичным. В каменоломнях практичность ценилась выше доброты. Доброта здесь умирала быстро. Мальчишка с разноцветными глазами — редкость. Редкость можно продать. А пока — заставить работать. Маленький, юркий, пролезает в узкие штольни, таскает камни, чистит инструмент. Если выживет — продать подороже. Если умрёт — ну, значит, не судьба.

Нокс работал с тех пор, как научился ходить.

В три года он носил маленькие камни. В четыре — уже большие. В пять — его послали в штольню, самую глубокую, куда взрослые не пролезали. Там было темно. Узко. Камень давил со всех сторон. Воздух спёртый, влажный. Но Нокс не боялся. Темнота была его единственным другом. Она не била. Не кричала. Не отнимала еду. Она просто была. И в этой темноте он чувствовал себя в безопасности — странной, извращённой, но безопасности.

Однажды свод обвалился. Его засыпало по пояс. Он просидел в темноте шесть часов, пока его откапывали. Другие дети плакали бы, звали на помощь, кричали. Нокс молчал. Он смотрел в каменную стену и думал о том, что видел ночью, — о золотом свете, о книгах, о чьём-то тепле. Это помогало. Это держало его на плаву.

Видения были его тайной. Его единственным сокровищем. Тем, что нельзя отнять.

2. Гарек и уроки выживания

Гарек был единственным, кто обращал на Нокса внимание. Не доброе — практичное. Он учил мальчишку тому, что нужно для выживания. Не из альтруизма — он вложил в Нокса время, а время в каменоломнях было единственной валютой, которая имела значение.

— Не смотри в глаза, если тебя не спрашивают, — говорил он, затачивая нож. Нож у Гарека всегда был острым. — Опускай взгляд. Покорность сохраняет шкуру. Гордость — теряет.

Нокс опускал взгляд. Запоминал.

— Если тебя бьют — терпи, если могут убить. Если не могут — ударь в ответ. Один раз. Так, чтобы запомнили навсегда.

Нокс ударил. Ему было шесть. Мальчишка постарше, лет восьми, сын другого надсмотрщика, толкнул его с лестницы. Просто так. Потому что мог. Нокс пролетел десять ступеней и ударился головой о камень. Встал. Отряхнулся. Схватил с земли острый осколок — и ударил обидчика по колену. Один раз. Точно в сустав. Мальчишка больше никогда не подходил близко. Хромал до сих пор.

Гарек, узнав, хмыкнул:

— Молодец. Но слишком высоко. Нужно бить по яйцам. Запомни.

Нокс запомнил. Он вообще всё запоминал.

— Еду прячь, — продолжал Гарек. — Воду тоже. Здесь

либо ты, либо тебя. Друзей не заводи. Друзья — это те, кого у тебя отнимут, чтобы сделать больно. Одиночество — это броня. Носи её с гордостью.

Нокс не заводил друзей. Он сидел один в углу барака и смотрел в стену. Другие рабы думали, что он странный. Дети сторонились его — из-за глаза, из-за молчания, из-за того, как он двигался: тихо, как тень. Взрослые не замечали. Только одна старуха, та самая, что принимала роды, иногда подходила и смотрела на его алый глаз.

— Дьявольский знак, — шептала она, качая головой. — Но дьявол тоже был ангелом. Может, и ты ещё удивишь.

Она умерла через год. Заболела и не проснулась. Нокс смотрел, как её тело выносят из барака, и впервые почувствовал что-то похожее на горе. Он не знал её имени. Но она была единственной, кто смотрел на него без страха. И теперь её не стало.

В ту ночь он смотрел на свою ладонь и думал: «Я запомню тебя. Даже без имени. Я запомню».

3. Первая кровь

Ему было семь, когда он впервые увидел смерть вблизи. Не просто смерть — убийство.

Раб по имени Орсон — старый, с седой бородой и руками, разбитыми многолетней работой, — не выполнил норму. Норма в тот день была двойной: пришёл заказ из столицы, требовали больше камня для строительства нового крыла Академии. Орсон работал шестнадцать часов без переры-

ва, а потом рухнул. Просто упал и не смог встать. Ноги отказали. Или сердце. Или просто кончились силы — в каменоломнях это называли «камнем в груди».

Надсмотрщик — не Гарек, другой, по имени Варг — пошёл к нему. Варг был огромным, с бычьей шеей и руками, похожими на кувалды. Он носил на поясе плетъ с вплетёнными кусочками металла. Говорили, что он убил больше рабов, чем все остальные надсмотрщики вместе взятые. И гордился этим.

— Норма не выполнена, старик, — сказал Варг. Голос был почти ласковым.

Орсон попытался что-то ответить, но изо рта вырвался только хрип. Варг ударил его сапогом. Раз. Другой. Третий. Орсон кричал, а потом перестал.

Нокс стоял в десяти шагах и смотрел. Другие рабы опускали глаза. Отворачивались. Делали вид, что заняты работой. Никто не вмешивался — вмешательство означало смерть. Но Нокс не мог отвести взгляд. Его алый глаз словно приклеился к этой сцене. Он видел каждую деталь. Каждое движение сапога. Каждую каплю крови на камне.

И когда Варг ударил в последний раз, что-то внутри Нокса сломалось. Не душа — душа стала крепче, твёрже, злее. Сломался барьер. Перед глазами вспыхнула сцена из чужой жизни. Первый раз — так ярко, что он чуть не упал:

Молодой Орсон. Не раб. Лесоруб. Стоит у огромного дуба с топором в руках. Солнце просвечивает сквозь листву.

Рядом — женщина. Она смеётся, запрокинув голову. У неё рыжие волосы — яркие, как осенний лес. Она кладёт руку на живот — она беременна. Орсон смотрит на неё, и на его лице — не усталость, не боль. Счастье. Чистое, незамутнённое счастье.

Вспышка погасла.

Нокс покачулся. Прислонился к стене. Сердце колотилось так, что казалось — выпрыгнет из груди. Он не понял, что произошло. Но на тыльной стороне левой ладони, там, где кожа тоньше всего, появилась метка. Маленькая. Едва заметная. Как руна. Она пульсировала слабым, еле видимым светом. И она была тёплой.

Он сжал кулак. Страх? Нет. Гнев? Тоже нет. Что-то другое. Что-то, чего он не мог назвать. Как будто внутри открылась дверь, и за ней — огромное пространство, полное чего-то.

Ночью, в бараке, лёжа на соломе, он смотрел на свою руку и думал об Орсоне. О том, что никто здесь не знал его настоящего. Для всех он был просто старым рабом, не выполнившим норму. Но Нокс знал: он был мужем. Отцом. Человеком, который когда-то смеялся под солнцем. И никто, кроме Нокса, этого не узнает. Никто не запомнит.

— Я запомню, — прошептал он в темноту. — Всех. Кого смогу. Я запомню каждого.

Руна на ладони потеплела. Словно соглашалась.

Он решил: однажды он убьёт Варга. Не из мести за Орсо-

на. Не из ненависти. А просто потому, что такие, как Варг, не должны ходить по земле, пока такие, как Орсон, лежат в ней.

4. АЛЫЙ ГЛАЗ

Видения приходили без предупреждения.

Сначала они были редкостью — раз в несколько месяцев. Потом чаще. В восемь лет они стали почти регулярными. Нокс научился их ждать. Научился не бояться. Но они всё равно выбивали его из колеи.

Каждый раз это было по-разному. Иногда он видел свет — мягкий, тёплый, от камина или свечи. Иногда — книги. Много книг, в кожаных переплётках, с золотыми обрезами. Иногда — лицо. Мальчик, его ровесник. Всегда спокойный. Всегда с книгой. И всегда — золотой глаз, блестящий в свете.

Нокс ненавидел эти видения. Не потому что они показывали чужую жизнь. А потому что они показывали, какой могла бы быть его. Мальчик с золотым глазом никогда не голодал. Никогда не мёрз. Никогда не лежал на соломе, зализывая раны. У него были книги, слуги, еда. У него было будущее.

Но в то же время эти видения спасали. Когда становилось совсем невыносимо — когда хотелось лечь и не вставать, — он закрывал алый глаз и видел свет. И этого было достаточно, чтобы пережить ещё одну ночь.

Однажды он попробовал ответить.

Ночь была особенно тёмной. Он лежал на соломе, голодный после трёх дней на одной баланде. Кости ныли от ра-

боты. Рука, сломанная Варгом, болела в сырую погоду. Он закрыл алый глаз и увидел мальчика. Тот сидел у камина с книгой. И выглядел грустным. Одиноким. Как будто у него было всё, кроме того, что действительно важно.

Нокс сосредоточился. Представил, что тянется сквозь темноту — туда, где свет. Не словами. Чувством. Камень. Боль. Голод. Холод. Но не для того, чтобы пожаловаться. Для того, чтобы сказать: «Я здесь. Я жив. Ты не один».

И на секунду — всего на долю секунды — ему показалось, что мальчик с золотым глазом поднял голову. Словно услышал.

Нокс открыл глаза. Сердце колотилось. Он не знал, получилось ли. Но с тех пор он пробовал снова и снова. Иногда ему казалось, что он достучался. Иногда — что кричит в пустоту. Но он не переставал.

5. Побег

В девять лет Нокс впервые попытался сбежать.

Он готовился несколько месяцев. Изучал маршруты стражи. Запоминал, когда меняются часовые. Выяснил, где лежат ключи. Подслушивал разговоры надсмотрщиков, делая вид, что подметает пол. Он знал: одна ошибка — и он труп. Но оставаться было нельзя. Ещё год-два такой жизни — и он превратится в зверя. Или умрёт. Что, в сущности, одно и то же.

Ночь была безлунной. Облака закрыли звёзды. Темнота — его старая подруга — укрыла его, когда он скользнул ми-

мо спящей охраны. Он двигался бесшумно. Тени научили его этому. Он знал, где скрипят половицы, где хрустят камнями, где собаки чуют человека. У него был план.

До ворот оставалась сотня шагов.

Он почти добежал. Почти дотронулся до засова. Почти вдохнул воздух свободы.

Варг схватил его за шкуру и поднял в воздух, как котёнка. Его бычья шея блестела от пота. Глаза — маленькие, свинные — смотрели с весёлой злобой. Он не спал. Ждал. Знал, что мальчишка когда-нибудь попробует.

— Маленький ублюдок, — прошептал он, и от его дыхания пахло тухлым мясом. — Думал, сбежишь? От меня? От Варга?

Он сломал Ноксу левую руку. Медленно. С наслаждением. С тем же выражением лица, с каким тогда убивал Орсона. Хруст кости был тихим, но Нокс услышал его всем телом. Боль — ослепляющая, белая — прокатилась от запястья до плеча.

Нокс не закричал. Он закусил губу до крови, но не издал ни звука. Потому что знал: крик — это победа Варга. А он не доставит ему такого удовольствия.

Когда всё закончилось, он лежал на земле, глядя в чёрное небо. Левая рука висела плетью. Боль пульсировала в такт сердцу. Но он смотрел на Варга и запоминал. Каждую чёрточку лица. Каждый шрам. Каждый зуб в оскале.

— Ничего, — сказал он тихо, и голос был хриплым, но

твёрдым. — Я ещё вернусь. И когда вернусь — ты умрёшь. Медленно. Как Орсон.

Варг ударил его по лицу. Но на секунду — всего на долю секунды — в его свиных глазах мелькнуло что-то похожее на страх. Потому что так не говорят девятилетние мальчишки со сломанной рукой. Так говорят те, кто уже видел смерть. И кто знает, что однажды её принесёт.

Нокса бросили обратно в барак. Рука срасталась неправильно — кости сошлись под неестественным углом. Левая ладонь навсегда осталась чуть вывернутой. Но это было неважно. Важно было другое: он жив. И он запомнил.

6. Атлас внутри

Ночью, после неудачного побега, он лежал в темноте и смотрел на руну на ладони. Она пульсировала — слабо, но настойчиво. Сломанная рука болела невыносимо. Губа распухла. Но он не думал о боли. Он думал о том, что увидел.

Там, в темноте штольни, когда Варг ломал ему руку, он заметил кое-что ещё. На краю сознания. Вспышка. Чужая жизнь. Не Орсон — кто-то другой. Кто-то, кого убили раньше. Чьё тело сбросили в ту же яму. Чьё имя никто не помнил.

Он закрыл глаза и впервые осознанно позвал.

Пустота откликнулась. Мягко, как вода, смыкающаяся над головой. Он стоял в белом пространстве без стен и пола. А перед ним висело Зеркало. Маленькое. Размером с ладонь. Форма — неровный осколок, похожий на слезу. Края острые. Внутри что-то двигалось.

Орсон. Молодой. У дуба. Рыжая женщина смеётся. Солнце падает сквозь листву. Счастье.

Три секунды. Зацикленные навсегда.

Свечение — тусклое, серое. Цвет потери.

И голос. Не чужой — свой собственный. Как будто из глубины души:

[Атлас активирован.] [Носитель: Свидетель.] [Зеркал в наличии: 1.]

Нокс стоял и смотрел. Слезы текли по лицу — тёплые, молчаливые. Он не плакал, когда ломали руку. Не плакал, когда умирала та старуха. Но сейчас — сейчас он плакал. Потому что понял: это теперь навсегда. Каждый, кого он убьёт. Каждый, кто умрёт рядом с ним. Каждая жизнь, которую он прервёт, — она оставит здесь свой след. Свой последний миг. Своё сокровище.

— Я запомню, — прошептал он. — Всех. Кого смогу. Я запомню каждого.

Атлас молчал. Но в тишине что-то изменилось. Как будто огромное пространство за пределами видимого — бескрайнее, непостижимое — согласно склонило голову.

7. Ночной урок

На следующий день к нему пришёл Гарек. Сел рядом на корточки. Посмотрел на сломанную руку. Сплюнул.

— Дурак. Я же говорил: не попадайся.

— Я почти сбежал.

— «Почти» — это не сбежал, — Гарек достал нож и на-

чал затачивать его. Медленно, методично. — Но ты молодец, что не закричал. Кричат слабые. Сильные молчат, даже когда больно. Запомни.

Нокс запомнил. Он всегда запоминал.

— Варг тебя теперь ненавидит, — продолжал Гарек. — Он любит ломать. А ты не сломался. Такое он не прощает.

— Я знаю.

— И что будешь делать?

Нокс повернул голову. Алый глаз блеснул в темноте.

— Однажды я убью его.

Гарек долго смотрел на него. А потом — впервые за всё время — улыбнулся. Нехорошо. Жестоко. Но в этой улыбке было что-то похожее на гордость.

— Может, и убьёшь. Главное — доживи до этого дня.

Он встал и ушёл. А Нокс остался. С руной на ладони. С пустотой внутри, которая ждала, когда её заполнят.

8. Перелом: Убийство Варга

Ноксу было одиннадцать, когда он понял, что готов.

Два года он ждал. Два года зализывал раны — и те, что снаружи, и те, что внутри. Два года смотрел, как Варг ходит по каменоломне, раздавая удары, ломая кости, убивая. Каждый раз, когда надсмотрщик проходил мимо, руна на ладони Нокса холодела. Атлас помнил. Атлас ждал.

Этой ночью луна была тонкой, как нож.

Нокс знал расписание стражи лучше, чем кто-либо. Он изучил его за годы — по минутам, по шагам, по зевкам ча-

совых. Варг всегда обходил бараки после полуночи. Один. Без фонаря — он хорошо видел в темноте. И любил останавливаться у восточной штольни — там, где воздух был спёртым и никто не ходил. Там он курил трубку. Там его никто не искал.

Сегодня Нокс был там раньше.

Он сидел в темноте, слившись с камнем. Тени научили его этому. Левая рука — та самая, сросшаяся неправильно — была прижата к груди. В правой он держал осколок. Острый. Тяжёлый.

Шаги. Тяжёлые. Узнаваемые. Варг.

Нокс не дышал. Сердце билось ровно. Ни страха. Ни гнева. Только расчёт. Атлас внутри него раскрылся, как карта. Он видел не просто темноту — он видел линии. Траектории. Возможности. Зеркала, парящие в пустоте, готовые отдать свою силу.

Варг остановился в десяти шагах. Чиркнул спичкой. Огонёк осветил бычью шею, шрамы на щеках, свиные глаза. Запах табака поплыл по штольне.

Нокс вышел из тени.

Варг не услышал его — Нокс двигался бесшумно. Но когда мальчик оказался прямо перед ним, надсмотрщик вздрогнул. Трубка выпала изо рта. Искры рассыпались по камню.

— Ты? — голос Варга был хриплым. — Какого

Он не договорил. Что-то в лице Нокса заставило его заме-

реть. Мальчик не выглядел испуганным. Не выглядел злым. Он выглядел неизбежным. Как зима. Как смерть.

— Я обещал, что вернусь, — сказал Нокс тихо. — Ты не поверил. Зря.

Варг рванулся вперёд. Руки-кувалды потянулись к горлу мальчика. Но Нокс уже не был тем, кого можно схватить. Два года тренировок. Два года ожидания. Два года, пока тело становилось быстрее, а удары — точнее. И ещё — Атлас. Зеркала. Сила тех, кто уже ушёл.

Первое Зеркало: Орсон. Лесоруб. Удар топора — точный, выверенный. Слабое место: горло.

Нокс уклонился. Не назад — вбок и вниз, как учили тени. Рука Варга пролетела мимо, и в этот миг осколок вошёл в горло надсмотрщика. Не глубоко — Варг был слишком большим. Но достаточно, чтобы он захрипел и отшатнулся.

Кровь закапала на камень — чёрная в темноте.

— Ах ты — Варг схватился за горло. Глаза налились кровью. Ярость перехлестнула боль. Он бросился снова — всей массой, как таран.

Второе Зеркало: раб по имени Нокс не знал имени. Он видел его смерть два года назад. Удар в спину. Слабое место: колено.

Нокс упал. Не от удара — сам. Перекатился под ноги Варга и ударил осколком по коленной чашечке. Точно в сустав. Варг взревел. Нога подломилась. Он рухнул на одно колено — и теперь его лицо было на уровне Нокса.

— Ты сдохнешь, — прохрипел Варг. — Ты

Третье Зеркало. Женищина. Старуха, что принимала роды. Она никогда не убивала. Но она кое-что знала. «Слушай, мальчик. У каждого есть точка. Место, где жизнь тонка, как бумага».

Нокс посмотрел на Варга. Алый глаз горел в темноте. И он увидел. Не просто лицо — структуру. Как тогда, в ту первую ночь, когда Атлас открылся. Варг был крепостью. Но у каждой крепости есть слабое место.

Глаз.

Осколок вошёл в левую глазницу надсмотрщика. Точно. Без промаха.

Варг закричал. Это был не рёв — визг. Высокий, почти женский. Он рухнул на спину, молотя руками воздух. Осколок всё ещё торчал из глаза. Из раны текла не только кровь — что-то прозрачное, вязкое.

Нокс стоял над ним. Дышал тяжело. Рука, сжимавшая осколок, дрожала. Но не от страха. От холода. Руна на ладони горела льдом.

— Это за Орсона, — сказал он тихо. — За ту женщину, чьего имени я не знаю. За всех, кого ты убил.

Варг хрипел. Пытался что-то сказать. Но слов уже не было. Только бульканье. Только кровь.

Нокс наклонился. Посмотрел в единственный оставшийся глаз надсмотрщика.

— Умирай.

Это было не проклятие. Не приказ. Просто констатация факта. И Варг умер.

Тишина.

Нокс выпрямился. Осколок выпал из пальцев. Атлас внутри него раскрылся — и он увидел. Не убегал от этого, как в прошлый раз. Стоял и смотрел.

Варг. Молодой. Не надсмотрщик ещё — солдат. Он стоит над телом врага. Враг мёртв. Варг смотрит на свои руки и плачет. Он не хотел убивать. Но его заставили. И он сломался.

Три секунды. Бесконечный круг. Солдат. Смерть. Слёзы. Солдат. Смерть. Слёзы.

Зеркало встало в Атлас. Осколок. Форма — кинжал. Свечение — багровое с чёрным. Цвет сломанной души.

Грань: Нокс почувствовал, как в груди появляется тяжесть. Не сила — понимание. Даже Варг когда-то был человеком. Даже он плакал. Это не оправдание. Это просто факт.

На тыльной стороне правой ладони появилась вторая руна. Рядом с первой. Они пульсировали в унисон — сине-серебряная и багрово-чёрная. Память. И цена.

Нокс поднял тело Варга. Оно было тяжёлым, но он справился. Он дотащил его до старой штольни — заброшенной, где никто не бывал. Там, в темноте, он оставил его. Не прятал — просто положил туда, где Варг проведёт вечность в компании камня. Как те, кого он убил.

Когда он вернулся в барак, никто не проснулся. Никто не

заметил. Только Гарек, сидевший в углу с ножом, поднял глаза. Посмотрел на Нокса. На кровь на рукаве. На пустой взгляд.

— Варг? — спросил он тихо.

— Больше не будет проблем, — ответил Нокс.

Гарек долго смотрел на него. Потом кивнул — медленно, задумчиво. И отвернулся. Он не задавал вопросов. Умный человек не задаёт вопросов, когда ответ ему не понравится.

Нокс лёг на солому. Закрыв глаза. Атлас внутри него тихо звенел. Два Зеркала. Две жизни, которые теперь навсегда с ним. И ещё одно — то, самое первое, что нельзя было открыть. Чёрное Зеркало, которое всегда молчало.

— Я запомнил, — прошептал он. — Я запомнил каждого. И первый раз за много лет уснул без видений.

Часть 3: Нити

1. Отголоски

Рэйну было одиннадцать. Ноксу было одиннадцать. Они не знали друг друга. Не помнили. Но этой ночью, в один и тот же час, оба проснулись от одного и того же сна.

Рэйну приснился камень, который трескается и выпускает свет. Но во сне камень был не серым — алым. И свет был не золотым — холодным, как зимнее солнце. И когда свет погас, он увидел лицо. Худое. С острыми скулами. С глазами разного цвета — один карий, другой алый. Мальчик смотрел

на него в упор, и в его взгляде не было ни страха, ни мольбы. Только вопрос. Безмолвный. Древний. «Ты меня видишь?»

Рэйн сел на постели. Золотой глаз горел. Видение не уходило — оно стояло перед ним, как отпечаток на сетчатке. Мальчик. Алый глаз. Кровь на руках. И странное чувство — не страх, не отвращение. Узнавание.

— Я тебя видел, — прошептал он в темноту. — Сегодня. Ты что-то сделал. Что-то важное.

Он потянулся к дневнику, но рука замерла. Что писать? «Мальчик убил человека»? «Мальчик плакал, но не от слабости»? «Мальчик держит в себе больше, чем я могу понять»?

Он отложил перо. Просто сидел в темноте и думал. Его собственная победа — расщепление камня — казалась теперь такой незначительной. Он разгадал загадку. Он прочитал структуру. Он активировал Маяк. Но там, на юге, мальчик его возраста смотрел в глаза чудовищу и не отводил взгляда. Не анализировал. Не рассчитывал. Просто делал то, что должен.

— Кто ты? — спросил Рэйн в пустоту. — Почему я чувствую тебя? Почему это важнее всего, что со мной было?

Библиотека молчала. Но где-то на самом дальнем стеллаже, в секции, которую он ещё не исследовал, тихо зашелестели страницы. Словно книга, которую он не открывал, сама перелистывала себя.

2. Тишина после бури

Нокс лежал на соломе и смотрел в потолок. Тело болело — синяки, царапины, старая рана на левой руке снова ныла. Но внутри было пусто. Не плохо. Не хорошо. Просто пусто.

Он убил Варга. Он думал, что почувствует радость. Или облегчение. Или хотя бы удовлетворение. Но вместо этого — только тишина. И два Зеркала в Атласе. И багрово-чёрная руна на правой ладони.

Закрыв алый глаз, он увидел другое. Не каменоломню. Не тьму. Свет. Огромный зал с книгами. Мальчик с золотым глазом сидел на постели, обхватив колени руками. Он не читал. Не писал. Просто смотрел в темноту — и Нокс чувствовал, что он смотрит прямо на него.

— Ты меня видишь? — прошептал Нокс.

Мальчик не ответил. Но его золотой глаз блеснул. Как будто услышал.

Видение погасло. Нокс открыл глаза. Барак. Солома. Храп рабов. Но что-то изменилось. Впервые за много лет одиночество перестало быть полным. Где-то далеко, на другом конце мира, был кто-то, кто смотрел в темноту так же, как он. Кто задавал те же вопросы. Кто чувствовал ту же пустоту.

— Однажды, — сказал Нокс тихо, — я найду тебя. Даже если на это уйдёт вся жизнь.

Руна на ладони потеплела. Словно соглашалась.

3. Два маяка

Той же ночью, за тысячи миль друг от друга, два мальчика одновременно закрыли глаза. Один — в шёлковой постели,

под тихий шум дождя. Второй — на куче соломы, под храп десятков рабов.

И оба увидели одно и то же.

Не перекрёсток. Не фонарь. Не Тень.

Карту.

Огромную, раскинувшуюся от горизонта до горизонта. Серые горы на севере. Зелёные леса в центре. Жёлтые пустыни на юге. И две точки. Одна — золотая, на севере. Вторая — алая, на юге. Они пульсировали. светили. И между ними тянулась нить. Тонкая, едва заметная. Но неразрывная.

Рэйн потянулся к ней мысленно — и нить зазвенела.

Нокс потянулся к ней — и нить потеплела.

Ни один не понял, что это. Но оба запомнили.

Золотая точка. Алая точка. Нить между ними.

И тихий голос — не Хранителя, не Атласа, не Библиотеки. Голос, который был обоими сразу:

«Я здесь. Я жив. Я жду»

.Конец Главы 1.

Глава 2: «Путь»

Часть 1: Рэйн — Север

1. Решение

Той ночью Рэйн не спал.

Камин прогорел, и в комнате стало холодно. За окном ветер гнул голые ветви старого дуба. Рэйн сидел на подоконнике, завернувшись в плед, и смотрел в темноту. Золотой глаз слабо светился. Ему было двенадцать.

Последнее видение не выходило из головы. Карта. Две точки. Нить между ними. И голос: «Я здесь. Я жив. Я жду».

Он не знал, кто это. Не знал, где. Но чувство внутри — сильное, почти болезненное — говорило: этот человек важнее всего. Важнее титула. Важнее наследства. Важнее самой жизни.

— Я должен найти тебя, — прошептал он в темноту. — Но сначала я должен стать сильнее. Здесь, в этой глуши, я не узнаю ничего. Мне нужно туда, где знание. Где люди. Где мир.

Он спрыгнул с подоконника, подошёл к столу, зажёл свечу и начал писать. Не дневник — письмо. Отцу.

2. Письмо

«Отец.

Я принял решение поступать в Академию Аркхейма. Экзамены через полгода. Я подготовлюсь.

Ты можешь не помогать. Ты можешь не отвечать. Но я больше не останусь в этом доме. Мне двенадцать. Я достаточно взрослый.

Когда ты получишь это письмо, я уже начну подготовку. Библиотеки здесь достаточно. Учителей — нет. Но учителя мне больше не нужны. Я научился учиться сам.

Прощай, отец. Надеюсь, когда-нибудь ты согласишься на меня и увидишь не только её глаза.

Рэйн.»

Он перечитал письмо дважды. Ничего не исправил. Запечатал. Положил на стол отца — тот снова был в отъезде. Когда вернётся, Рэйна здесь уже не будет. Не физически — духовно. Он больше не ждал отцовского одобрения. Не ждал любви. Не ждал ничего.

Свобода начиналась с этого письма.

3. Подготовка

Следующие полгода Рэйн проводил в библиотеке.

Он вставал на рассвете и ложился за полночь. Слуги сбились с ног: молодой господин перестал есть, перестал выходить в сад, перестал отвечать на вопросы. Берта пыталась его кормить — он машинально ел, не отрываясь от книги.

Он изучал всё. Историю Этерры — от Первой Эпохи до современности. Географию — от северных гор до южных пу-

стынь. Магические структуры — от простейших формул до запрещённых разделов, которые хранились только в библиотеке Крейнов. Он читал о Пробуждённых, о навыках, о «Голосе Мира». С каждым днём его собственная Библиотека пополнялась десятками новых Томов.

Но главным предметом была не история и не магия.

Главным предметом были люди.

Рэйн понял это в первый же месяц подготовки. Академия — это не только экзамены. Это арена. Аристократы, простолюдины, одарённые, амбициозные — все будут бороться за место под солнцем. Знаний недостаточно. Нужно уметь говорить. Убеждать. Просчитывать.

Он начал тренироваться. Перед зеркалом, часами. Речь. Осанка. Взгляд. Сначала он говорил с запинками — он, который никогда не запинаясь над книгами, не мог связать двух слов, глядя в глаза самому себе. Но день за днём голос становился твёрже. Осанка — увереннее. Взгляд — острее.

Берта заглянула однажды и увидела, как мальчик стоит перед зеркалом и произносит речь о единстве королевства. Таким тоном, каким говорят лорды в Совете.

Она перекрестилась и тихо закрыла дверь.

4. День отъезда

В день отъезда шёл снег.

Первый снег в этом году — ранний, колючий. Он падал на серый камень поместья, заметал дорогу, превращал деревья в белые скульптуры. Карета ждала у ворот — простая, без

герба. Рэйн не хотел привлекать внимания.

Берта вышла проводить его. Она была единственной, кто плакал.

— Маленький господин, — она всхлипывала, кутаясь в шаль. — Ты же ещё ребёнок. Куда ты едешь? Зачем?

Рэйн обнял её. Неуклюже — он не привык обнимать. Но искренне.

— Я должен, Берта. Там ответы. Здесь — только тишина.

— А если не поступишь?

— Поступлю.

Она покачала головой, но спорить не стала. Она знала этот тон. Этим тоном он говорил в пять лет, когда чинил камин. В семь — когда читал «Историю Дома Крейн». В десять — когда расщепил Маяк Древних. Если Рэйн Крейн говорил «я сделаю» — он делал.

— Береги себя, маленький господин.

— Постараюсь.

Он сел в карету. Лошади тронулись. Поместье уплывало назад — серый силуэт на фоне белого неба. Рэйн смотрел в окно, пока дом не скрылся за холмом.

Отец так и не ответил на письмо.

Рэйн не удивился. Но где-то глубоко, в самой тёмной секции Библиотеки, болело.

Он закрыл эту секцию. Запер на ключ. Открывать было нельзя — экзамены требовали холодного ума.

5. Столица

Аркхейм-Сити встретил его шумом.

После тишины поместья это было как удар. Улицы, запруженные людьми. Торговцы, орущие о своих товарах. Кареты, громыхающие по брусчатке. Запахи — еда, лошади, духи, дым. И надо всем — башни Академии, вздымающиеся над городом, как пальцы, указывающие в небо.

Рэйн вышел из кареты у гостиницы. Старое здание, но приличное. Он не взял с собой слуг — только саквояж с книгами, сменную одежду и рекомендательное письмо от герцога Крейна (отец всё же прислал его — короткое, сухое, но действенное).

Хозяйка гостиницы, полная женщина с красным носом, долго разглядывала его.

— Один? — спросила она недоверчиво. — Сколько тебе лет, мальчик?

— Достаточно, чтобы заплатить за комнату, — Рэйн положил на стойку золотую монету.

Женщина хмыкнула, но ключ дала.

Ночью он сидел у окна и смотрел на город. Огни. Движение. Жизнь. Где-то там, за этими крышами, была Академия — его цель. Где-то ещё дальше, за горизонтом, — тот, кого он искал.

Золотой глаз загорелся. Видение пришло внезапно:

Темнота. Но не каменоломня. Другая темнота — открытая, с ветром. Звёзды над головой. Поле. И одинокая фигура, идущая через ночь.

Нокс тоже был в пути.

Рэйн улыбнулся.

— Я иду, — сказал он тихо. — Жди.

Часть 2: Нокс — Юг

1. Свобода

Первый вдох свободы пах пылью и полыньёю.

Нокс стоял на краю плато, глядя на юг. Каменоломни остались позади — серая рана на теле земли. Он шёл три дня, прячась от патрулей, питаясь кореньями и ящерицами. Он знал, что погони не будет — Гарек позаботится. Надсмотрщик сказал на прощание: «Варг пропал. Никто не знает куда. Может, сбежал. Может, убили. Какая разница.» И подмигнул. Нокс понял: его побег прикроют. В благодарность за Варга. Или просто потому, что Гарек тоже когда-то хотел сбежать — и не смог.

Теперь перед ним лежал мир. Огромный. Незвестный. Он не знал, куда идти. Он вообще мало что знал о мире за пределами каменоломен. Знал только, что где-то там, на севере, есть кто-то важный. И что нужно идти.

Ночь он провёл под открытым небом — впервые в жизни. Звёзды были такими яркими, что резали глаза. Раньше он видел их только урывками — через щели в крыше барака, через решётки. Теперь они были везде. Бесконечные. Холодные. Прекрасные.

Он закрыл алый глаз и увидел свет. Камин. Книги. Мальчик с золотым глазом стоял у окна и смотрел на город.

— Ты тоже в пути, — прошептал Нокс. — Я знаю.

Он уснул под звёздами — свободный. Впервые за всю жизнь.

2. Встреча

На пятый день он набрёл на деревню. Маленькую, пыльную, у дороги на север. Он хотел пройти мимо, но живот скрутило от голода. Последняя ящерица была два дня назад. Пришлось зайти.

У колодца стоял человек. Высокий. Худой. В тёмном плаще, хотя солнце палило нещадно. Лицо скрыто капюшоном, но Нокс видел руки — длинные пальцы музыканта или убийцы. На поясе висел меч. Необычный — с узким лезвием и странной гардой, похожей на расправленные крылья.

Человек поднял голову. Капюшон упал. Лицо было молодым, но глаза — старые. Серые, как пепел. Он посмотрел на Нокса. На его лохмотья. На алый глаз. На руны на ладонях.

— Интересно, — сказал он. Голос был тихим, как шелест листьев. — Очень интересно. Ты не местный.

— Я ничей, — ответил Нокс. Он не знал, почему сказал именно это. Слова вырвались сами.

Человек улыбнулся. Улыбка была странной — как будто он знал что-то, чего не знал никто.

— Ничей — это хорошо. Ничьи мне и нужны. Меня зовут Сайлас. Я ищу учеников.

— Чему ты учишь?

— Тому, что нельзя выучить. Тому, что можно только пережить. Я учу выживать. Я учу убивать. Я учу слушать тени.

Нокс замер. Тени. Его старые друзья. Те, что научили его двигаться бесшумно. Те, что прятали его от Варга. Те, что были с ним всегда.

— Почему ты думаешь, что я подойду?

— Потому что ты смотришь на мой меч не так, как остальные. Ты не боишься. Ты оцениваешь.

Нокс понял: этот человек опасен. Очень опасен. Но он был первым, кто посмотрел на алый глаз и не перекрестился. Не отшатнулся. Не назвал дьявольским знаком.

— Я иду на север, — сказал Нокс.

— Я тоже. Мне нужно в Аркхейм-Сити. У меня там дела. Но путь долгий. Скудный. Компания не помешает. А по дороге можно многому научиться.

— Я не плачу за учёбу.

— Я не беру денег. Я беру время. И верность. Не навсегда. На время обучения.

Нокс подумал. Он не доверял людям. Гарек научил: доверие — это слабость. Но Гарек же научил: иногда слабость — это единственный способ стать сильнее. Позволить кому-то научить тебя. А потом превзойти.

— Хорошо, — сказал он. — Я пойду с тобой.

Сайлас улыбнулся. Снова эта странная улыбка.

— Отлично. Урок первый: никогда не соглашайся так

быстро. Торгуйся. Даже если тебе нечего предложить. Это вопрос уважения.

— Я не уважаю тебя. Я тебя использую.

Сайлас рассмеялся. Смех был неожиданно громким — таким, что голуби на колодце взлетели.

— А ты мне нравишься, Ничей. Пойдём. До темноты нужно пройти десять миль. По дороге расскажешь, откуда у тебя руны на ладонях.

Нокс вздрогнул. Он не показывал руны. Ладони были сжаты. Но Сайлас видел. Как?

— Урок второй, — сказал Сайлас, заметив его взгляд. — Всегда смотри на руки. Люди прячут в них всё. Страх. Силу. Смерть.

Нокс запомнил. Он всегда запоминал.

3. Уроки

Путь до Аркхейм-Сити занял три месяца.

За это время Сайлас научил Нокса большему, чем Гарек за всю жизнь. Не выживанию — это Нокс уже умел. Искусству.

Урок первый: Дыхание. «Ты дышишь часто. Как загнанный зверь. Частое дыхание — это шум. Шум — это смерть. Дыши редко. Дыши глубоко. Пусть воздух наполняет не только лёгкие, но и кровь. Тогда ты будешь двигаться тише.»

Нокс тренировался ночами, пока Сайлас спал. Он сидел у костра и дышал. Медленно. Редко. Как учили. Через месяц

он мог пройти по сухим листьям, не издав ни звука.

Урок второй: Наблюдение. «Ты смотришь, но не видишь. Ты замечаешь угрозу, но не замечаешь деталей. Детали — это ключи. У человека, который врёт, дёргается веко. У человека, который хочет ударить, напрягается плечо. У человека, который боится, расширяются зрачки. Смотри на детали. Они расскажут тебе больше, чем слова.»

Нокс тренировался в деревнях, через которые они проходили. Он смотрел на людей и пытался угадать, кто они. Крестьянин, который не смотрит в глаза — прячет ли он зерно от сборщика налогов? Торговец, который слишком громко смеётся — пытается ли он скрыть гнилой товар? Девочка, которая молчит, хотя её дразнят — что она сделает, когда никто не видит?

Урок третий: Тени. «Тьма — это не отсутствие света. Это пространство. В нём можно прятаться. Можно двигаться. Можно жить. Ты уже знаешь это — я вижу по тому, как ты ходишь. Но ты используешь тьму как щит. Используй её как оружие. Тот, кто боится темноты, уязвим в ней. Ты — нет. Это твоё преимущество. Умножай его.»

Нокс учился сливаться с тенями не только телом, но и сознанием. Сайлас показывал ему, как замедлять дыхание до нуля, как расфокусировать взгляд, чтобы видеть в темноте, как двигаться не по прямой, а по дуге — чтобы тень скрывала движение. Это было сложно. Но с каждым днём получалось лучше.

Урок четвёртый: Боль. Однажды Сайлас сломал ему палец.

Просто так. Во время разговора у костра. Нокс не закричал — он разучился кричать ещё в каменоломнях. Но боль была адской. Палец опух и посинел.

— Зачем? — спросил Нокс сквозь зубы.

— Боль — это учитель, — ответил Сайлас, накладывая шину. — Ты знаешь боль с детства. Но ты терпишь её. Терпеть — мало. Боль нужно понимать. Она говорит тебе, где слабость. Где опасность. Где предел. Тот, кто понимает свою боль, побеждает того, кто её боится. Тот, кто понимает чужую боль, побеждает всех. Запомни.

Нокс запомнил. Он вообще всё запоминал.

Урок пятый: Смерть. Самый важный. Сайлас учил его убивать. Не драться — именно убивать. Быстро. Точно. Без эмоций. «Убийство — это не зло и не добро. Это действие. У него есть причины и есть последствия. Твоя задача — принимать последствия. Если ты убил, чтобы защитить — живи с этим. Если убил из мести — живи с этим. Если убил случайно — живи с этим. Тот, кто не принимает своих убийств, становится зверем. Тот, кто принимает — становится воином.»

Нокс подумал о Варге. О его Зеркале в Атласе — багрово-чёрном, цвета сломанной души. О его Грани — тяжести в груди.

— Я принимаю, — сказал он. — Всех, кого убил. Всех,

кого убью.

Сайлас долго смотрел на него.

— Ты странный ученик, Ничей. Очень странный. Из тебя выйдет толк. Или ты умрёшь раньше, чем я успею тебя чему-то научить. Одно из двух.

4. Город

Аркхейм-Сити встретил их дождём.

Нокс стоял на холме и смотрел на город. Огромный. Шумный. Пугающий. Башни Академии возвышались над крышами, как стражи. Где-то там, в этом лабиринте улиц, был тот, кого он искал. Он чувствовал это. Алый глаз пульсировал теплом.

— Красиво, — сказал Сайлас. — И опасно. Здесь водятся акулы покрупнее, чем в каменоломнях. Аристократы с ядом на губах. Торговцы с ножами за пазухой. Жрецы с ересью в глазах. Хочешь совет?

— Давай.

— Никому не верь. Даже мне.

— Я знаю.

— Отлично. Тогда ты готов.

Они спустились в город. Улицы были мокрыми, скользкими. Люди спешили по своим делам, не замечая мальчика с алым глазом и человека в тёмном плаще. Нокс впитывал всё: запахи, звуки, лица. Его учили наблюдать — он наблюдал.

Сайлас привёл его в неприметный дом на окраине. Старое здание, три этажа, вывеска «Гильдия Свободных Рук».

Внутри пахло деревом, кожей и чем-то металлическим.

— Это твой новый дом, — сказал Сайлас. — Гильдия наёмников. Здесь ты будешь жить и тренироваться. Я представлю тебя. Но дальше — сам. Моё обучение закончено.

— Ты уходишь?

— У меня дела. В других городах. В других странах. Может, пересечёмся когда-нибудь. Если выживешь.

Нокс посмотрел на него. Станный человек. Опасный. Но он дал ему то, чего не давал никто: знание. Не просто как выживать — как жить.

— Спасибо, — сказал Нокс.

Сайлас улыбнулся. В последний раз.

— Не благодари. Выживи. Это лучшая благодарность.

И ушёл. Растворился в дожде.

Нокс остался перед дверью Гильдии. Сделал глубокий вдох. И вошёл.

Внутри было тепло. В камине горел огонь. За длинным столом сидели люди — мужчины и женщины, разного возраста, разного вида. Кто-то чистил оружие. Кто-то играл в кости. Кто-то спал, положив голову на стол. Все они были наёмниками. Все они были убийцами.

Навстречу Ноксу вышел мужчина лет сорока — крепкий, с седеющей бородой и шрамом через левую щёку. Он смерил мальчика взглядом.

— Ты, должно быть, Ничей. Сайлас предупредил. Я Редрик, глава этого филиала. Нам сказали: ты странный, но тол-

ковый. Не подведёшь — станешь одним из нас. Подведёшь — вылетишь. Или умрёшь. Одно из двух.

— Я не подведу.

— Посмотрим. — Редрик хмыкнул. — Испытание через неделю. Ничего сложного: нужно кое-кого найти и кое-что забрать. Справишься — получишь первый заказ. Не справишься — свободен. Иди, устраивайся. Комната на втором этаже, третья дверь.

Нокс поднялся по лестнице. Комната была маленькой: кровать, стол, стул, зарешёченное окно. Почти как в каменоломне. Но здесь он был не рабом. Здесь он был тем, кто сам выбирает свой путь.

Он сел на кровать. Закрыв алый глаз.

Свет. Огромный зал. Мальчик с золотым глазом стоит перед высокими дверями. Академия. Он тоже здесь.

Нокс открыл глаз. Улыбнулся — впервые за долгое время.

— Мы в одном городе. Я найду тебя. Даже если на это уйдёт вечность.

Часть 3: Нити

1. Рэйн — Экзамен

Академия Аркхейма возвышалась над городом как неприступная крепость. Пять башен: Знания, Магии, Меча, Истории и Неба. В последней, самой высокой, заседал Совет Магистров — высший орган Академии.

В день экзамена у ворот собралась толпа. Сотни претендентов со всего королевства. Аристократы в бархате, простолюдины в заплатках, Пробуждённые с горящими глазами. Рэйн стоял среди них — тихий, спокойный. Без герба. Без слуг. Только саквояж с книгами и золотой глаз, спрятанный под капюшоном.

Экзамен состоял из трёх этапов.

Первый: Письменный тест. История, география, основы магии. Рэйн закончил за час. Ещё час сидел, проверяя ответы. Вышел первым. Экзаменатор, старый маг с седой бородой, долго смотрел на его работу. Потом поднял глаза:

— Ты Крейн?

— Да.

— Я вижу. Только Крейн мог ответить на вопрос о Второй Эпохе с цитатами из первоисточников. Иди. Второй этап завтра.

Второй: Магический тест. Проверка способностей. Претенденты по одному заходили в зал, где их встречали три Магистра. Нужно было продемонстрировать свой дар.

Когда вошёл Рэйн, Магистры переглянулись. Мальчик без герба. Без рекомендаций (отцовское письмо он не стал показывать). Но что-то в его осанке, в спокойном взгляде заставило их замолчать.

— Что ты умеешь? — спросила Магистр-женщина, худая, с острым лицом.

— Анализировать, — ответил Рэйн.

— Покажи.

Он посмотрел на стол перед Магистрами. На нём лежал кристалл — тусклый, мутный. Рэйн знал, что это обманка: обычный камень, покрытый магической плёнкой. Магистры ждали, что претенденты попытаются активировать его — и провалятся.

— Это не кристалл, — сказал Рэйн. — Это кварц, покрытый остаточной магией третьего уровня. Его использовали вчера на другом экзамене. Магия почти выдохлась.

Магистры замерли.

— Откуда ты знаешь?

— Я вижу структуру. Остаточная магия имеет синий спектр. Плёнка на камне — зелёная. Это значит, что её наложили позже и она не является частью объекта. Если хотите, я могу её снять.

Магистр-женщина медленно кивнула.

Рэйн подошёл. Золотой глаз загорелся. Через секунду плёнка исчезла — просто растаяла. Камень стал обычным кварцем. Магистры молчали.

— Достаточно, — сказала женщина. — Третий этап завтра. Можешь идти.

Третий: Поединок. Претенденты сражались друг с другом — не до смерти, но до первой крови. Проигравший выбывал. Рэйна поставили против здорового парня из Дома Вэллс — аристократа, который смотрел на него как на грязь.

— Сними капюшон, урод, — сказал Вэллс. — Хочу видеть

твое лицо, когда ты упадёшь.

Рэйн снял капюшон. Золотой глаз блеснул. Вэллс на секунду замер. Этого хватило. Рэйн не стал использовать магию — он использовал расчёт. Парень был тяжелее, медленнее. Он полагался на силу. Рэйн полагался на траектории.

Шаг влево. Шаг вправо. Удар Вэллса прошёл мимо. Рэйн подставил подножку — Вэллс рухнул. Меч Рэйна коснулся его горла.

— Сдаёшься?

— Ублюдок... — прорычал Вэллс.

— Сдаёшься?

— ...Да.

Рэйн убрал меч. Трибуны молчали. Магистры переглядывались. А он стоял и думал, что всё это — лишь ступенька. Первая из многих.

2. Нокс — Испытание

Испытание в Гильдии было простым: найти и украсть.

Цель — купец по имени Борво. Толстый, лысый, с золотыми перстнями на пальцах. Он хранил компрометирующие документы в своём особняке. Гильдия получила заказ на их изъятие. Нокс должен был проникнуть в особняк, найти кабинет и забрать бумаги. Без убийств. Без следов.

Ночь была безлунной. Нокс перелез через стену, как учил Сайлас. Дышал редко, глубоко. Слилс с теньями в углу двора. Стража прошла мимо — не заметила. Дверь для слуг была открыта — беспечность. Он проскользнул внутрь.

Особняк был лабиринтом. Комнаты, коридоры, лестницы. Нокс двигался на ощупь, ориентируясь по запахам и звукам. Духи — спальня хозяина. Табак — кабинет. Он нашёл кабинет на втором этаже. Дверь была заперта. Замок — простой, примитивный. Нокс справился за минуту, используя кусок проволоки, который носил с собой ещё с каменоломен.

Внутри было темно. Он нашёл стол, начал перебирать бумаги. Пальцы скользили по документам — счета, письма, долговые расписки. Где-то здесь. Ага. Конверт с гербом Дома Крейн. Нокс замер. Крейн? Что-то щёлкнуло внутри. Знакомое имя. Он не знал, откуда.

Алый глаз загорелся.

Свет. Мальчик с золотым глазом стоит перед дверями Академии. Над дверями — герб. Крейн.

Нокс отшатнулся. Видение погасло. Он тяжело дышал. Крейн. Значит, тот мальчик — из Дома Крейн. Значит, он здесь, в этом городе. Значит, его можно найти.

Но сейчас — работа. Нокс взял конверт. Убрал за пазуху. Выскользнул из кабинета. Через пять минут он уже был за стеной особняка. Ещё через час — в Гильдии.

Редрик, глава филиала, долго вертел конверт в руках. Потом посмотрел на Нокса.

— Никто не заметил?

— Никто.

— И ты ничего не украл кроме этого?

— Ничего.

— Не соврал?

— Я не вру. Это невыгодно.

Редрик хмыкнул. Положил конверт на стол. И улыбнулся

— впервые за всё время.

— Добро пожаловать в Гильдию, Ничей. Ты прошёл.

3. Нить

Ночью, в своей комнате в Гильдии, Нокс сидел на кровати и смотрел на руны на ладонях. Четыре Зеркала. Четыре жизни, которые теперь навсегда с ним. И ещё одно — то, чёрное, которое молчало.

Он закрыл алый глаз.

Библиотека. Мальчик с золотым глазом сидит за столом. Перед ним — книги, свитки, карты. Он устал, но доволен. Он сделал это. Он поступил.

Нокс открыл глаз. Улыбнулся.

— Я тоже, — прошептал он. — Я тоже сделал это. Теперь мы ещё ближе. Я чувствую.

Руны на ладонях потеплели.

Где-то в другом конце города Рэйн сидел в своей комнате в общежитии Академии. Золотой глаз горел. Он только что видел: тёмная комната, алый блеск, конверт с гербом Крейн. Кто-то украл документы его Дома. Но странно — он не чувствовал злости. Только тепло.

— Ты здесь, — прошептал он. — В этом городе. Я найду тебя.

Где-то в глубине Библиотеки и Атласа одновременно за-

звенела нить. Та самая. Неразрывная.

Конец Главы 2.

Глава 3: «Академия»

1. Зачисление

Список принятых вывесили утром.

Рэйн стоял в толпе. Вокруг теснились десятки претендентов — кто-то плакал, кто-то смеялся, кто-то молча отворачивался и уходил. Аристократы в бархате тёрли плечи с простолюдинами, но ненадолго: уже через час они разойдутся по разным факультетам и больше никогда не пересекутся. Рэйн ждал своей очереди, чувствуя, как утренний холод забирается под плащ.

Он нашёл своё имя в середине списка. «Крейн, Рэйн». Без титула, без приставки «лорд» — так, как он просил. Просто студент. Просто цифра в реестре. Палец скользнул по чернилам — буквы были ещё влажными, список вывесили несколько минут назад.

— Поздравляю.

Рэйн обернулся. Магистр-женщина с острого лица — та самая, что принимала у него экзамен по магии. Сегодня она была в тёмно-синей мантии с серебряным шитьём. Магистр Академии. Ткань мантии была плотной, дорогой — такая не мнётся и не промокает под дождём.

— Вы сомневались, что я поступлю?

— Нет. Вы набрали высший балл за последние десять лет. Я сомневалась, что вы захотите здесь учиться. Обычно Крей-

ны нанимают частных преподавателей. Академия для них — слишком... демократично.

— Я не обычный Крейн.

— Я заметила. — Она протянула руку. — Магистр Эллира. Факультет Теоретической Магии. Будете у меня на лекциях.

Рэйн пожал руку. Ладонь у Магистра была сухой и прохладной — кожа, привыкшая к пергаменту и мелу.

— Идите. Общежитие — третья башня. Комнату скажут в комендатуре. Занятия начинаются завтра.

Он кивнул и пошёл. Толпа расступалась сама — то ли из-за осанки, то ли из-за золотого глаза, который он больше не прятал под капюшоном. В Академии не нужно было скрываться. Здесь странности были нормой.

2. Третья башня

Общежитие оказалось старым зданием с облезлыми стенами и скрипучими лестницами. Ступени были вытерты тысячами ног — в камне образовались ложбины, гладкие, как речная галька. Комендант, пожилой мужчина с лицом, изрытым оспой, долго искал его имя в списке, водя пальцем по строчкам и шевеля губами. Потом выдал ключ — простой, железный, без гравировки.

— Четвёртый этаж. Комната семнадцать. Сосед уже там.

— Сосед?

— А ты думал, у Крейнов отдельные покои? Здесь все равны. Ну, почти. — Комендант усмехнулся беззубым ртом и

отвернулся к своим бумагам.

Рэйн поднялся по лестнице. Четвёртый этаж был тёмным и пыльным — факелы здесь не меняли, кажется, с прошлого семестра. Воздух пах старой штукатуркой и чем-то кислым — может, пролитым вином, может, временем. Комнату семнадцатую он нашёл в конце коридора. Дверь была приоткрыта на ширину ладони.

Внутри стояли две кровати, два стола, два стула. На одном из столов — стопка книг, корешками вверх. На кровати — рюкзак, из которого торчал край одеяла. Сосед сидел на подоконнике, свесив ноги, и жевал яблоко. Увидев Рэйна, он спрыгнул — босиком, прямо на холодный пол — и протянул руку.

— О! Сосед. Я — Ланс. Ланс из Вэллсов. Только не бей, я не как мой брат.

Рэйн вспомнил. Вэллс — тот самый аристократ, которого он победил на экзамене. Здоровый, злой, с тяжёлым мечом и взглядом, обещающим расправу. Этот был другим: невысокий, худой, с растрёпанными волосами и весёлыми глазами. Он вообще не походил на аристократа — скорее на уличного торговца, который только что продал партию гнилых яблок и очень этим горд.

— Ты брат того Вэллса?

— Младший. Позор семьи, между прочим. Меня сюда послали, чтобы не мешал наследнику. — Ланс говорил об этом легко, без горечи. Он указал на кровать у стены: — Эта твоя.

У окна моя, извини. Я люблю смотреть на звёзды.

Рэйн положил саквояж на кровать. Пружины скрипнули.

— Ты не обижен? На отца?

— На него? Всю жизнь обижаюсь. На тебя? Ты сделал то, о чём я мечтал с детства. — Ланс хлопнул его по плечу. — Если хочешь, могу показать, где тут кормят. Еда так себе, но порции большие.

Рэйн почти не слушал. Библиотека внутри него автоматически фиксировала информацию, раскладывая по категориям: «Ланс Вэллс — младший сын, изгой, потенциальный союзник». Но что-то в этом парне было... странное. Не опасное. Другое. Он не боялся. Не заискивал. Не пытался использовать. Он просто был собой.

— Ты не похож на аристократа, — сказал Рэйн.

— Ты тоже.

Они переглянулись. И почему-то улыбнулись. Впервые за долгое время у Рэйна появилось что-то похожее на друга.

3. Первая лекция

Факультет Теоретической Магии находился в Башне Знания — самой старой, увитой плющом. Лекционный зал был огромным: амфитеатр на двести мест, витражные окна, кафедра из чёрного дерева. Когда Рэйн вошёл, большинство мест уже были заняты. Студенты гудели, переговаривались, листали конспекты. Пахло мелом, воском и мокрой шерстью — утро было дождливым.

Он сел в середине. Не в первом ряду — там сидели отлич-

ники, желающие выслужиться перед профессорами. Не на галёрке — там сидели бездельники, которые пришли на лекцию только ради отметки о посещении. В середине — там, где можно наблюдать за всеми, оставаясь незаметным.

Магистр Эллира вошла без объявления. Дверь закрылась за ней с тихим стуком, и зал затих. Она не носила шляпы, как другие магистры, и её волосы — тёмные, с проседью — были собраны в простой узел. Мантия сидела на ней как вторая кожа.

— Первый курс. Факультет Теоретической Магии. Поздравляю. Вы — лучшие из поступивших. Или самые везучие. Разберёмся. Кто из вас знает, сколько миров существует?

Тишина. Рэйн подумал: «Один». Но не сказал. Кто-то сзади кашлянул.

— Больше, чем вы можете представить. — Эллира обвела зал взглядом и на секунду остановилась на Рэйне. — Теоретическая магия — это не заклинания. Не огненные шары. Не полёты. Это понимание. Магия — это язык. Реальность говорит на нём. Тот, кто понимает язык, может попросить реальность измениться. Тот, кто понимает хорошо, может приказывать. Архитектор — это не титул. Это приговор. Тот, кто может переписывать реальность, не должен существовать. Так считает Совет. Так считает Церковь. Но реальность не спрашивает, что они считают.

Зал зашушукался. Архитектор. Это слово передавали из

уст в уста, как запретную монету. Рэйн замер.

Рука поднялась с первого ряда. Студент в дорогой мантии — явно аристократ — спросил: «Магистр, а правда, что среди нас есть Архитектор?» Зал зашумел громче. Эллира спокойно ответила: «Правда. Но его имя вы узнаете, когда он сам решит его раскрыть. А теперь — открывайте конспекты. Тема первая: Природа магического поля».

Рэйн выдохнул. Он знал, что Эллира говорила о нём. Но она не выдала его. Почему? Может, проверяет. Может, бережёт. Может, ждала, когда он сам сделает первый шаг.

В этот момент — когда он открыл конспект и увидел сотни студентов вокруг — что-то внутри провалилось.

Снег за окном. Ему семь лет. Он держит книгу — «Историю Дома Крейн». Глава о прадеде. Карты, стрелки, осадные машины. Он выучил её наизусть. Сегодня он покажет отцу. Он подходит к двери. Тянет руку — и слышит голос. Отец говорит с кем-то — с советником? с управляющим? — и голос у него усталый, безжизненный. «Он напоминает мне о ней. Я не могу на него смотреть». Рука замирает в сантиметре от ручки. Книга тяжелеет. Снег за окном всё идёт и идёт. Он стоит так минуту. Две. Три. Потом разворачивается. Идёт в библиотеку. Открывает книгу на той же странице. Решает: «Я буду знать всё. Я стану незаменимым. Тогда меня заметят».

Рэйн моргнул. Аудитория вернулась. Студенты листали страницы, скрипели перьями. Никто ничего не заметил. Он

сжал перо — пальцы дрогнули — и начал писать.

4. Лекция по геополитике

После обеда была лекция по геополитике. Профессор, сухой старик в очках с одним треснувшим стеклом, рассказывал о том, как строились первые города. Он говорил монотонно, но Рэйн слушал внимательно.

— Граница — это не стена. Это вызов. Тот, кто построит город на границе, изменит карту мира. Вся история Этерры — это история границ. Тот, кто контролирует границу, контролирует страх. А тот, кто контролирует страх, контролирует всё.

Рэйн конспектировал. Его перо летало по бумаге, оставляя ровные строчки. Ланс наклонился к нему — от него пахло яблоком — и прошептал: «Готовишься к побегу?» Рэйн не ответил. Но слова профессора оседали в Библиотеке, занимая целую секцию — пока пустую, но уже с заголовком «Основание поселений».

Позже, перечитывая конспект, он подчеркнул одну фразу двумя чертами: «Тот, кто контролирует границу, контролирует страх». Что-то в этих словах отзывалось внутри. Как будто они были важны не для экзамена, а для чего-то большего. Для чего — он пока не знал.

5. Библиотека Академии

Вечером он пошёл в библиотеку. Не свою — Академическую.

Она была огромной. Три этажа стеллажей, уходящих в по-

лумрак. Читальный зал с высокими сводами, где шаги отдавались эхом. Запретная секция, закрытая для студентов младших курсов — массивная дверь с магической печатью. Запах старой бумаги, воска и времени.

Рэйн провёл там три часа. Перебирал книги, сканировал оглавления, выписывал ссылки. Библиотека внутри него пополнилась ещё дюжиной Томов. Но главное было не в этом.

В секции «Древние языки» он нашёл книгу. Тонкую, в потрепанном переплёте. Кожа обложки была тёплой на ощупь — странно тёплой для книги, которая пролежала здесь десятилетия. На обложке — символ, похожий на глаз. Золотой и алый, пересекающиеся.

Он открыл её. Страницы были пустыми. Почти. Только одна строчка в центре: «Глаза, что видят друг друга, найдут путь, когда нить натянется».

Рэйн захлопнул книгу. Сердце колотилось.

Он отнёс книгу на кафедру. Библиотекарь, старый маг с подслеповатыми глазами, приоткрыл один глаз.

— Эта? Нет. Она здесь уже сто лет. Никто не знает, откуда она. И никто не может её прочитать. А ты смог?

— Там только одна строчка.

Библиотекарь открыл второй глаз. Посмотрел на Рэйна. На золотой глаз.

— Интересно. Очень интересно. — Он закрыл оба глаза. — Иди. И никому не говори, что ты её читал. Такие книги не любят лишних свидетелей.

Рэйн ушёл. Но строчку запомнил.

6. Ночные тренировки

Ночью, когда Ланс уснул — он спал, уткнувшись лицом в подушку и что-то бормоча во сне, — Рэйн вышел в коридор.

Академия спала. Только факелы на стенах трещали, отбрасывая дрожащие тени. Рэйн спустился в подвал — туда, где были старые тренировочные залы, заброшенные ещё с прошлого века. Здесь пахло сыростью и пылью, и под ногами хрустели осколки старых мишеней.

Он не мог использовать магию открыто — пока не мог. Но он мог тренироваться.

Золотой глаз загорелся. Библиотека раскрылась перед ним — все Тома, все формулы, всё, что он успел собрать. Он выбрал простейшее заклинание из Тома «Природа Магии»: «Свет». Минимальная энергия. Минимальный риск.

Он произнёс Формулу — не вслух, мысленно. Страница в Томе засветилась. В реальном мире над его ладонью зажёгся крошечный огонёк. Не огонь — чистый свет. Тёплый, как свеча.

Он держал его минуту. Две. Три. Свет не гас. Формула работала стабильно.

Рэйн улыбнулся. Первое заклинание. Его первое заклинание.

Он погасил свет и пошёл обратно. Завтра будет новый день. Новая лекция. Новый шаг.

Где-то в другом конце города Нокс в этот самый момент

смотрел на свои руны и думал о том же.

Конец Главы 3.

Глава 4: «Гильдия»

1. Первый заказ

— Это твой контракт.

Редрик бросил на стол свиток. Нокс взял его, развернул. Бумага была тонкой, почти прозрачной, с водяным знаком — расправленные крылья. Символ Гильдии Свободных Рук. Пальцы ощутили шероховатость пергамента. От свитка пахло сургучом и чем-то ещё — горьким, как миндаль. Так пахла магия, предупреждающая о подделке: если сломать печать неправильно, бумага вспыхнет.

«Цель: Лорд Корвин Мейкпис. Обвинение: хищение средств Короны, сговор с врагами королевства, убийство трёх свидетелей. Заказчик: Совет Лордов (анонимно). Задача: устранить. Срок: три дня. Оплата: 50 золотых.»

Нокс прочитал дважды. Пятьдесят золотых. Он попытался представить эту сумму: пачка монет толщиной в палец, или кожаный мешочек, который приятно тяжелит ладонь. За такие деньги можно купить не просто свободу — положение. Дом в Нижнем Городе стоил тридцать. Хороший меч — десять. Информация о золотоглазом мальчике — неизвестно сколько, но теперь у него будет чем заплатить.

— Почему я? — спросил он. — В Гильдии есть опытные убийцы. Я новичок.

— Потому что ты новичок. — Редрик сел напротив, по-

ложил руки на стол. Нокс заметил, что на правой руке у главы не хватало мизинца. Старая рана, аккуратно зарубцевавшаяся, кожа вокруг шрама была светлее. — Лорд Мейкпис окружён охраной. Профессионалов он знает в лицо. А ты — никто. Мальчишка, подмастерье, оборванец с улицы. На тебя не обратят внимания.

— А если обратят?

— Значит, ты недостаточно хорош. — Редрик посмотрел ему в глаза. Взгляд у него был тяжёлый, как у человека, который похоронил слишком многих. — Ты прошёл испытание. Но испытание — это игра. Контракт — это жизнь. Хочешь остаться в Гильдии — выполняй. Не хочешь — дверь открыта.

Нокс опустил взгляд. На столе, рядом с чернильницей, лежала хлебная крошка. Он смахнул её на пол.

— Я возьму контракт.

Редрик кивнул. Без улыбки, без похвалы.

— Умное решение. Детали — у информатора. Его зовут Шептун. Найдёшь его в трактире «Три Монеты». И запомни главное правило Гильдии.

— Какое?

— Мы не убиваем невиновных. Мейкпис — предатель и убийца. Это подтверждено. Если узнаешь, что заказ ложный — возвращаешься. Мы не инструмент чужой мести.

— Почему?

— Потому что у мести нет конца. — Редрик отвёл взгляд и

посмотрел на карту за спиной Нокса. — Иди. Времени мало.

Нокс вышел. У двери он обернулся. Редрик уже не смотрел на него — разглядывал карту на стене, по которой тянулись красные нити маршрутов. Где-то среди этих линий была и его судьба.

2. «Три Монеты»

Трактир «Три Монеты» находился в Нижнем Городе — районе, куда не заходили патрули.

Нокс шёл, натянув капюшон до бровей. Улицы здесь были узкими, как коридоры в штольне. Грязная вода текла вдоль стен, и в ней плавали огрызки и щепки. На углу женщина торговала рыбой, выложив её прямо на рогожу. Рыба пахла так, что Нокс задержал дыхание. Напротив неё слепой старик играл на дудке, и мелодия была странной — не грустной, не весёлой, просто неуместной. Она не вязалась ни с чем вокруг.

Перед трактиром сидел мальчишка лет семи. Он чистил ботинки прохожим — ящик с инструментами стоял рядом, — но когда мимо прошёл Нокс, мальчишка поднял голову и уставился на край капюшона, туда, где прятался алый глаз. Мальчишка ничего не сказал. Просто проводил взглядом.

Внутри трактира было темно и дымно. Пахло элем, прогорклым жиром и мокрой шерстью. Несколько голов повернулись к вошедшему, но быстро отвернулись обратно к своим кружкам. Нокс подошёл к стойке. Пол был липким — он чувствовал это даже сквозь подошву.

Трактирщик — огромный, лысый, с руками, покрытыми татуировками — протирал кружку. Тряпка была грязнее кружки.

— Мне нужен Шептун, — сказал Нокс.

Трактирщик даже не поднял глаз.

— Все хотят Шептуна. Кто спрашивает?

— Ничей.

Трактирщик поднял глаза — медленно, словно пробуждаясь ото сна. Татуировки на его руках складывались в слова. «Слушай. Молчи. Помни». Нокс заметил, что буквы были старыми, выцветшими. Такие наносят не на год — на всю жизнь.

— В углу. Слева. Не ошибись дверью.

Нокс прошёл в указанном направлении. Там оказался проход, завешенный грязной тканью. Он отдёрнул её. За тканью — маленькая комната без окон. На столе горела одна свеча. Воск капал на дерево, и Нокс заметил, что столешница вся в застывших белёсых потёках — здесь ждали многие.

За столом сидел человек.

Шептун был худым, как скелет, с длинными пальцами и бегающими глазами. Он непрерывно двигался: то потирал руки, то поправлял воротник, то стучал пальцами по столу — дробь складывалась в ритм, похожий на дудку слепого снаружи. Голос у него был тихий, с присвистом.

— Садись. Не стой. Тени длинные, любопытные. Садись.

Нокс сел. Стул скрипнул.

— Мейкпис. Корвин Мейкпис.

— Знаю. — Шептун облизнул губы. — Плохой человек. Очень плохой. Деньги у Короны украл. Людей убил. Свидетелей. Тех, кто знал, куда деньги ушли. Умный. Осторожный.

Шептун полез под стол и вытащил мятую бумажку — план особняка, набросанный от руки. Чернила были синими, но линии — неровными, торопливыми. Кто-то рисовал его по памяти, и у этого кого-то дрожали руки.

— Особняк. Улица Серебряных Ручьёв. Охрана — десять человек днём, пять ночью. Магическая защита — слабая, только на воротах. Окно кабинета на втором этаже — открыто. Всегда открыто. Он любит свежий воздух.

— Всегда?

— Каждую ночь. Кроме дождливых. Завтра дождя не будет. — Шептун улыбнулся, показав редкие зубы. — Подарок от Шептуна. Бесплатно. Первый раз.

— Что взамен?

— Ничего. Пока. Должником будешь. Когда-нибудь попрошу ответную услугу. Маленькую. Крошечную. — Он хихикнул, и свеча на столе дрогнула. — Иди. Времени мало.

Нокс встал. У самой двери Шептун окликнул его:

— Эй, Ничей. Руны на ладонях. Откуда?

Нокс замер. Ладони были сжаты в кулаки. Но Шептун видел.

— Оттуда же, откуда твоё прозвище, — ответил он и вышел.

За спиной ещё долго слышалось хихиканье.

3. Подготовка

На подготовку ушёл день.

Нокс снял комнату в том же трактире — платить не пришлось, трактирщик только хмыкнул и кивнул на лестницу. Комната была крошечной: кровать, таз с водой, треснувшее зеркало на стене. В зеркале он увидел себя — и на секунду замер. Лицо стало старше. Или дело в глазах? Алый смотрел пристально, оценивающе. Карий — устало.

Он умылся ледяной водой. Поел — хлеб, сыр, варёное яйцо. Есть не хотелось, но Сайлас учил: «Перед делом ешь. Даже если не хочешь. Голодный воин — мёртвый воин». Он съел всё до крошки. Хлеб был чёрствым, яйцо переваренным, но он не заметил вкуса.

Затем — изучение цели. Нокс вышел из трактира и направился в Верхний Город. Улица Серебряных Ручьёв встретила его тишиной. Здесь не было грязи и вони — только ровная брусчатка, фонари с магическими огнями, запах цветущих лип. Особняк Мейкписа стоял в глубине сада. Три этажа. Высокие окна. Стена, увитая плющом.

Нокс обошёл квартал трижды. Первый раз — просто гуляя, как мальчишка без дела. Второй — отмечая детали: где стоят фонари, где тень гуще, где трескается камень. Третий — с другой стороны улицы, отсчитывая шаги от стены до угла. Двое у ворот играли в кости — один всё время проигрывал и ругался шёпотом, второй молча загребал медь. Охран-

ник у фонтана курил трубку, и ветер относил дым в сторону сада. В доме горели три окна. Одно на втором этаже было тёмным — кабинет.

Он вернулся в трактир, когда солнце уже садилось. В комнате разложил снаряжение. Верёвка с крюком — проверил каждый узел, каждый переплетённый виток. Метательные ножи — четыре штуки, лёгкие, хорошо сбалансированные. Кинжал Сайласа — он протёр лезвие маслом, держа клинок против света. Сталь была холодной и тусклой. «Не теряй. С ним я убил первого Архитектора». Что такое Архитектор, Нокс не знал. Но теперь, поглаживая рукоять, он дал себе слово выяснить.

Перед выходом он сел на кровать и закрыл алый глаз. Видение пришло, как всегда, внезапно.

Свет. Огромный зал. Мальчик с золотым глазом сидит среди других студентов. Перед ним — кафедра. Женщина в мантии говорит о магии. О структурах. О языке реальности.

Академия. Он тоже учился. Нокс открыл глаза, и ему захотелось вдруг узнать, что сегодня было на лекции. Просто день. Просто жизнь.

Он посмотрел на свою левую руку — срослась неправильно, ладонь чуть вывернута. Вспомнил четвёртый урок Сайласа — тот, что был дан у костра, когда Сайлас сломал ему палец: «Боль — это учитель. Тот, кто понимает свою боль, побеждает того, кто её боится». Сегодня боль будет его со-

юзником.

Руны на ладонях горели ровным светом.

— Я справлюсь, — сказал он сам себе. — И ты справляйся. Кем бы ты ни был.

4. Особняк Мейкписа

Ночь была тихой. Луна висела тонким серпом, едва освещая улицы.

Нокс перелез через стену в дальнем конце сада, где тени от старых дубов сгущались до черноты. Крюк с верёвкой вошёл в щель между камнями с тихим стуком — он специально обмотал железо тканью. Шаг. Ещё шаг. Пальцы сами находили выступы. Тело помнило каждое движение — он карабкался по стенам штолен годами, этот навык стал рефлексом.

В саду пахло ночной фиалкой. Где-то журчал фонтан. Нокс пересёк сад, двигаясь от дерева к дереву. Охранник у фонтана так и курил, пуская дым в небо. Блики от фонаря играли на его шлеме. Нокс замер за живой изгородью и ждал, пока солдат не отвернётся. Вдох. Выдох. Дыхание — редкое, глубокое, как учил Сайлас.

Окно кабинета действительно было открыто. Второй этаж, увитый плющом. Нокс забрался быстро — старый плющ держал вес, стебли были толщиной с руку. На подоконнике он на секунду задержался. Сердце билось ровно.

Внутри горела свеча. Лорд Мейкпис сидел за столом, спиной к окну. Толстый, лысеющий, в дорогом халате. Перед ним лежали бумаги. Рука с золотым перстнем что-то писала

— перо скрипело по пергаменту, звук был похож на мышиную возню.

Нокс спрыгнул на пол. Бесшумно. Ковёр приглушил шаги.

— Не оборачивайтесь, — сказал он тихо. — Если закричите — умрёте. Если попытаетесь использовать магию — умрёте. Просто слушайте.

Мейкпис замер. Перо остановилось. Чернильная капля упала на бумагу и растеклась кляксой.

— Кто ты? — Голос был спокойным. Слишком спокойным. — Гильдия? Совет? Дом Крейн?

— Неважно. Я знаю, что вы сделали. Казнокрадство. Сговор. Три убийства. Вы предали королевство. Вы убили невиновных.

— Невиновных? — Мейкпис усмехнулся. — В этом мире нет невиновных, мальчик. Есть те, кто успел, и те, кто не успел. Я успел. А они — нет. Это не преступление. Это конкуренция.

Нокс сжал кинжал. Алый глаз загорелся. Где-то в углу комнаты тикали часы — старые, напольные, с маятником.

— Посмотрите на меня.

Мейкпис обернулся. Увидел алый глаз. Увидел руны на ладонях. И впервые в его глазах мелькнул страх — не перед смертью, а перед чем-то бóльшим.

— Ты... — начал он.

Нокс ударил.

Быстро. Точно. Кинжал вошёл под левую ключицу — ту-

да, где между рёбер проходит короткий путь к сердцу. Мейкпис захрипел и начал заваливаться. Нокс подхватил его, чтобы не на шуметь. Старый лорд оказался тяжелее, чем выглядел, — пришлось упереться ногой в ножку стола, чтобы удерживать.

И в этот момент мир исчез.

Мейкпис. Молодой. Не лорд — капитан стражи. Стоит на стене. Перед ним — горящая деревня. Внизу кричат. Он смотрит на свои руки. Они в крови. Это не его вина — ему приказали. Но он мог отказаться. Мог. А теперь смотрит на мёртвых и понимает: он переступил черту.

Три секунды. Бесконечный круг. Капитан. Стена. Огонь. Капитан. Стена. Огонь.

Нокс открыл глаза. Третье Зеркало. Форма — щит. Свечение — тусклое, серое. Цвет раскаяния, которое пришло слишком поздно.

Грань: холод в груди. Понимание, что даже предатели когда-то были верны. Но это не оправдание.

Нокс встряхнул головой. В ушах ещё стоял шум — эхо чужой памяти. Он заставил себя двигаться. Обыскал стол: документы, счета, письма. Взял те, где упоминался Совет и иностранные имена. Кольцо Мейкписа — фамильный перстень с гравировкой — снял с пальца. Оно сидело туго, и Ноксу пришлось повернуть его трижды, прежде чем оно поддалось. Кожа под перстнем была белой — лорд носил его годами. Нокс убрал кольцо в карман.

Перед уходом задержался у зеркала в углу. Отражение показало ему мальчишку с алым глазом и кровью на рукаве. Он стёр кровь плащом. Потом плеснул из графина воды в ладонь, смыл остатки. Полотенце, висевшее рядом, было льняным, с вышитыми инициалами «К.М.». Он вытер руки и аккуратно повесил полотенце на место.

Через пять минут он был за стеной. Ещё через час — в Гильдии. По дороге он ни разу не обернулся.

5. Награда

Утром его разбудил стук.

Нокс открыл глаза мгновенно — привычка, вьёвшаяся в кровь. Солнце стояло высоко. Он проспал дольше обычно. Тело ныло после вчерашнего, но это была приятная усталость — как после долгого бега.

Стук повторился. Нокс натянул рубаху и открыл дверь.

На пороге стоял мальчишка — тот самый, что чистил ботинки у трактира. В руках он держал небольшой кожаный мешочек.

— Вам просили передать. Из Гильдии.

Нокс взял мешочек. Пятьдесят золотых. Он развязал шнурок и заглянул внутрь — монеты лежали плотно, одна к одной, новенькие, с профилем короля. Он достал одну, подбросил на ладони. Золото приятно холодило кожу.

— Там ещё записка, — добавил мальчишка и протянул сложенный листок.

Нокс развернул его. Почерк был мелким, убористым —

почерк Редрика.

«Первая оплата. Гильдия забирает десять процентов — мы их уже вычли. Остальное твоё. Потрать с умом.

И ещё. Вчера ты спросил, почему я помогаю. Я ответил неполно. Ты напомнил мне сына. Он тоже был упрямым. И тоже умер молодым. Не повторяй его судьбу.

Редрик.»

Нокс перечитал записку дважды. Потом сложил её и убрал в карман. Мальчишка всё ещё стоял на пороге, переминаясь с ноги на ногу.

— Ты ждёшь чаевых? — спросил Нокс.

— Ну... если господин желает...

Нокс порылся в мешочке, достал серебряную монету — он не знал, сколько давать, но помнил, что Гарек однажды сказал: «За хорошую весть платят серебром». Мальчишка поймал её на лету, и глаза у него загорелись.

— Спасибо, господин! — Он уже повернулся бежать, но замер. — Кстати! Там, внизу, человек странный. Спрашивал про парня с красным глазом. Я ничего не сказал!

И убежал.

Нокс нахмурился. Человек? Спрашивал о нём? Он спустился в общий зал трактира, но там было пусто — только трактирщик протирал свою вечную кружку. Никаких чужаков.

Впрочем, это мог быть кто угодно. Шпион Мейкписа. Конкурент из другой Гильдии. Или просто любопытный. В

любом случае, стоило быть осторожнее.

Он вернулся в комнату. Высыпал монеты на кровать. Сорок пять золотых. И одна серебряная — он оставил её себе, на удачу. Остальное нужно было потратить с умом.

Первым делом — оружие. Метательные ножи исчерпали себя: два он потерял, один затупился. Вторым — информация. Где-то в этом городе был мальчик с золотым глазом. Он учился в Академии. Теперь у Нокса хватит денег, чтобы заплатить расспросчикам.

Третьим — еда. Настоящая. Горячая.

Он спустился в зал, сел за стол и заказал полный обед: мясо, хлеб, овощи, пирог с яблоками. Трактирщик поднял бровь, но кивнул. Через полчаса перед Ноксом стояли тарелки — впервые в жизни он ел не баланду и не объедки. Мясо было жёстким, но вкусным. Пирог — сладким, с корицей.

Он ел медленно, растягивая удовольствие. Смотрел, как за окном просыпается город. И думал.

Третий контракт. Первое Зеркало в Атласе. Первая руна. Теперь — первая награда. Он больше не раб. Не беглец. Он — наёмник Гильдии Свободных Рук. У него есть имя. Пусть чужое, пусть прозвище. Но это больше, чем «эй, ты, иди сюда».

За окном занимался день. Первый день после первого контракта. Мир становился шире. И где-то там, на другом конце города, кто-то смотрел на это же небо.

Нокс допил воду. Отломил ещё кусок пирога. И улыбнулся.

ся — впервые за долгое время.

Конец Главы 4.

Глава 5: «Нить»

1. Рэйн — Неделя в Академии

Первая неделя в Академии пролетела как один день.

Рэйн вставал на рассвете — по привычке, ввевшейся в кровь ещё в поместье. Умывался ледяной водой из таза, который Ланс неизменно забывал вылить с вечера. Вода была холодной до ломоты в пальцах, но это помогало проснуться. Ланс вообще многое забывал: где лежат его книги, во сколько лекция, как зовут профессора по артефакторике. Но помнил всё, что касалось людей: кто с кем дружит, кто на кого обижен, кто тайно влюблён в магистра Эллиру. Рэйн не понимал, зачем ему эта информация, но Библиотека исправно архивировала и её — на всякий случай.

Лекции шли одна за другой. Теория магического поля. Основы структурного анализа. История Пробуждённых. Введение в рунологию. К концу дня голова гудела, а глаза слипались, но Рэйн не жаловался — он ждал этих знаний годы. Каждый вечер он запирался в библиотеке Академии и сидел там до тех пор, пока старый библиотекарь не начинал гасить свечи — одну за другой, методично, неумолимо. Тот уже привык к молчаливому студенту с золотым глазом и даже оставлял ему одну свечу — последнюю, самую дальнюю от выхода. «Только не спали книги», — ворчал он каждый раз.

Магистр Эллира выделяла его. Не вслух, не перед другими — но на лекциях она иногда задавала вопросы, на которые мог ответить только он. Однажды она задержала его после пары — студенты уже разошлись, и в аудитории пахло мелом и пустотой — и протянула тонкую книгу в сером переплёте без названия.

— Это не для первого курса. Даже не для третьего. Это из Запретной секции. Ознакомьтесь и верните через три дня. И никому не показывайте. — Она говорила тихо, но в голосе не было угрозы. Скорее — забота. Или предупреждение.

— Почему вы даёте это мне?

— Потому что вы задаёте правильные вопросы. А правильные вопросы опаснее неправильных ответов.

Книга называлась «Структура Реальности: Гипотеза Множественных Миров». Рэйн прочитал её за одну ночь и едва не опоздал на утреннюю лекцию. В книге говорилось о том, что реальность не монолитна — она состоит из слоёв, наложенных друг на друга. И иногда, в точках истончения, эти слои соприкасаются. Тот, кто научится видеть эти точки, сможет проходить сквозь миры.

Рэйн закрыл книгу и долго сидел в темноте, глядя на обложку. Золотой глаз горел. Что-то в этих словах отзывалось внутри, как будто он уже знал это — но забыл. На полях была приписка — не рукой Эллиры, более старая, выцветшая: *«Не заглядывай слишком глубоко. Тьма смотрит в ответ»*. Почерк её погибшего наставника.

На первой странице его воображаемой Библиотеки, той самой, где было написано «Жди», появилась ещё одна строка: «Миры соприкасаются. Найдите точку».

Он вернул книгу Эллире через два дня. Ничего не сказал. Но Магистр, кажется, поняла всё по его глазам.

2. Нокс — Покупки

Нокс никогда не держал в руках столько денег.

Сорок четыре золотых и одна серебряная монета лежали в мешочке под подушкой. Он не доверял банкам, не доверял тайникам, не доверял никому. Только себе и кинжалу под подушкой.

Первым делом он отправился в Оружейный Квартал.

Это был шумный район у восточной стены. Здесь пахло углём, кожей и калёным железом. Из открытых дверей кузниц доносился звон молотов — ритмичный, оглушительный. Подмастерья бегали с мехами и заготовками. Вывески скрипели на ветру: «Клинки Дункана», «Сталь и Серебро», «Доспехи братьев Грей».

Нокс выбрал лавку без вывески — маленькую, зажатую между двумя кузницами. Над дверью висел только один символ: кинжал, пронзающий звезду. Он где-то видел этот знак, но не помнил где.

Внутри было полутемно. На стенах висели ножи, мечи, арбалеты. За прилавком стоял старик — сгорбленный, но с удивительно молодыми глазами. Он посмотрел на Нокса, на его капюшон, на руны на ладонях — и кивнул, словно ждал.

— Метательные ножи, — сказал Нокс. — Пять штук. Хороший баланс. И... что-нибудь скрытое.

Старик молча выложил на прилавок набор ножей. Лёгкие, узкие, с тремя гранями. Рукояти обмотаны чёрной кожей. Нокс подбросил один — лёг в ладонь как влитой.

— Ещё, — сказал старик и достал из-под прилавка браслет. Кожа, с металлической пластиной внутри. Незаметное движение пальцем — и из браслета выскочило короткое лезвие. — Для левой руки. На случай, если отберут основное.

Нокс примерил. Браслет сидел плотно, но не мешал. Лезвие выходило быстро, убиралось тихо. Он заплатил двенадцать золотых — старик молча взял деньги и убрал под прилавок. Ни чека, ни расписки. Здесь не спрашивали имён.

Следующей остановкой был Аптекарский Ряд — узкая улочка, пахнувшая травами и серой. Нокс купил снотворное: маленький пузырёк с мутной жидкостью. Аптекарь, толстяк в грязном фартуке, долго объяснял дозировку, но Нокс слушал вполуха. Сайлас учил: «Снотворное — для крайнего случая. Никогда не полагайся на него. Но всегда имей при себе».

Последним был рынок. Нокс купил еду на неделю: хлеб, вяленое мясо, сыр, сушёные яблоки. Впервые в жизни он выбирал не объедки — настоящее. Торговка, полная женщина с красными щеками, попыталась его обсчитать, но он молча указал на весы, и она, хмыкнув, добавила ещё кусок. Нокс не улыбнулся, но в груди потеплело.

На обратном пути он заметил его.

Человек в сером плаще. Стоял на углу и смотрел. Не на улицу, не на товары — на Нокса. Лицо скрыто капюшоном, но Нокс видел руки: длинные пальцы, сложенные на наверхней посоха. Посох был странным — серебряная нить, бледно-голубой камень.

Нокс свернул в переулок. Прошёл сквозным двором. Вышел с другой стороны квартала. Оглянулся — никого. Но чувство осталось. Кто-то искал его. И это был не друг.

3. Рэйн — Ночной разговор

Ланс не спал.

Они проговорили до полуночи. Сначала о пустяках: кто из профессоров тайно пьёт, кто из студентов списывает, кто подкупил экзаменатора. Потом — о доме.

— Мой отец меня ненавидит, — сказал Ланс вдруг. — Ну, не то чтобы ненавидит. Считает бесполезным. Старший брат — наследник. Воин. Гордость рода. А я... я читаю книги. Сплю до обеда. Спорю с профессорами. Для отца это не занятия. Это блажь.

— Мой отец меня не замечает, — ответил Рэйн. — Не знаю, что хуже.

Ланс помолчал. Потом спросил:

— Твой золотой глаз. Это врождённое?

— Да.

— Он что-то видит? Ну, помимо обычного?

Рэйн помедлил. Он никому не рассказывал о видениях.

Но Ланс смотрел без страха, без зависти — просто с интересом. И Рэйн ответил честно:

— Иногда. Я вижу... другого человека. Мальчика. Примерно нашего возраста. У него алый глаз. И он где-то далеко, но я чувствую его. Как будто между нами нить.

— Это магия?

— Не знаю. Может, проклятие. Может, дар.

Ланс присвистнул.

— А я думал, у меня проблемы. Отец не любит. Подумаешь. А у тебя — мистическая связь с незнакомцем.

— Ты первый, кому я это сказал.

— Я польщён. — Ланс сел на кровати, скрестив ноги. — Знаешь, что я думаю? Если эта связь существует, значит, вы должны встретиться. Так всегда бывает. Нити не рвутся сами по себе. Кто-то или что-то тянет их.

— И что мне делать?

— Ждать. Ты уже здесь, в Академии. Если он тоже ищет тебя, он придёт. А пока — стань сильнее. Чтобы, когда встретитесь, ты мог его защитить. Или он тебя. Какая разница.

Рэйн задумался. Защитить? Он никогда не думал о мальчике с алым глазом как о том, кого нужно защищать. Но Ланс был прав. Если нить существует — встреча неизбежна. И нужно быть готовым.

— Знаешь, — добавил Ланс, помолчав, — мой отец перед смертью всё время повторял одно слово. «Перекрёсток». Я не знаю, что это значит. Но когда ты говоришь про нить...

может, это связано?

Рэйн замер. Перекрёсток. То же слово, что и в его снах.
— Я найду его. И узнаю.

Ланс хлопнул его по плечу. «Знаешь, ты всегда был холодным. Как статуя. А когда рассказывал о том мальчике — становился живым. Не теряй это».

— Спасибо, — сказал Рэйн.

— Не за что. А теперь спать. Завтра лекция. И не смотри на меня так, я правда собираюсь на неё прийти. В этот раз. Наверное.

4. Нокс — Слежка

Нокс вернулся в трактир поздно.

Странный человек больше не появлялся, но Нокс не верил в совпадения. Он сел в углу общего зала, заказал ужин — кашу с мясом, горячую, — и принялся думать. Кто мог искать его? Вариантов было три.

Первый — люди Мейкписа. Но вряд ли. Он действовал чисто, без свидетелей. Второй — конкуренты из другой Гильдии. Возможно. Редрик говорил, что у Свободных Рук есть враги. Третий — кто-то, кого он не знал. Кто-то, связанный с его прошлым. С матерью, которую он никогда не знал. С отцом, чьё имя никто не помнил. С рунами на ладонях.

Он достал кинжал Сайласа, положил перед собой. Узкое лезвие блеснуло в свете свечи.

— Что такое Архитектор? — прошептал он.

Никто не ответил. Только дудка слепого за окном затянула

новую мелодию.

Нокс подозвал трактирщика.

— Кто-то спрашивал обо мне?

— Кроме тебя? Никто.

— Утром приходил мальчишка. Сказал, что меня искали.

Трактирщик пожал плечами.

— Мало ли кто что говорит. Уличные дети врут за монету. Но... — он на секунду замялся, протирая кружку всё той же грязной тряпкой. — Был тут один. В сером. С посохом. Сидел в углу, пил воду, ни с кем не говорил. Ушёл час назад.

— Как он выглядел?

— Лица не видел. Капюшон. Но руки... руки были молодые. Не старик. И плащ дорогой. Не местный.

Нокс кивнул. Серый плащ. Посох с серебром и голубым камнем. Тот самый человек. Значит, он был здесь. Сидел в том же зале. И ничего не сделал.

Это пугало сильнее, чем нападение.

5. Нить

Поздней ночью оба не спали.

Рэйн сидел у окна в общежитии, глядя на звёзды. Золотой глаз горел. Ланс давно уснул, уткнувшись лицом в подушку и что-то бормоча во сне — кажется, он спорил с кем-то невидимым о правилах игры в кости. В комнате было тихо, только половицы иногда поскрипывали.

Нокс сидел на кровати в трактире, сжимая в ладони кинжал. Алый глаз горел. Он не раздевался, готовый сорваться

в любой момент.

Видение пришло одновременно.

Карта. Огромная, от горизонта до горизонта. Север — горы. Центр — леса. Юг — пустыни. И две точки. Золотая на севере города. Алая — на юге. Они сдвинулись. Раньше между ними лежала вся страна. Теперь — только город. Только улицы. Только расстояние, которое можно пройти за день.

Нить между ними натянулась. Задрожала. И зазвенела — высоким, чистым звуком, похожим на камертон.

Рэйн открыл золотой глаз. Сердце колотилось. Он чувствовал: мальчик с алым глазом здесь. Где-то рядом. В этом же городе.

Нокс открыл алый глаз. Руна на ладони горела теплом. Он чувствовал: мальчик с золотым глазом близко. Ближе, чем когда-либо.

— Я найду тебя, — прошептал Рэйн в темноту.

— Я иду, — прошептал Нокс.

Утром Ланс спросил Рэйна:

— Ты вообще спал?

— Нет.

— Видение?

— Да. Он близко. Совсем близко.

Нокс утром спустился в общий зал и заказал завтрак. Трактирщик поставил перед ним тарелку каши и кружку молока. Нокс ел медленно, глядя в окно. Серый человек не по-

явился. Но что-то подсказывало: они ещё встретятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.